

Пленница Белого замка

Автор:

[Елена Кутузова](#)

Пленница Белого замка

Елена Геннадьевна Кутузова

Что делать, если ты очнулась далеко-далеко от родного дома? Одна, нагая, как в день появления на свет и такая же слабая? Вокруг – никого, только чужой, неизведанный лес... Но мне нужно вернуться. Двести лет – не преграда для того, на ком висит долг. Договор должен быть выполнен. Любой ценой. Для обложки использованы фото со стока фотографий и изображений depositphotos.

Постепенно людей на дороге прибавилось. Возницы криками и палками погоняли плетущихся волов. Между возами сновали крестьяне в праздничных нарядах, а торговцы с большими коробами за плечами, ловко торговали пирогами прямо на ходу. Мясники вели запряженных в тележки огромных черных псов. Иногда, окутывая путников клубами пыли, проносились всадники. Или лакеи, сопровождая чинно плывущий паланкин, криками разгоняли простолюдинов.

Похоже, мне повезло: в городе праздник. Маги обязательно используют такой случай! Я ускорила шаг.

Ближе к воротам поток людей разделялся. Часть сворачивала на широкий луг. Там словно приникла к зеленому ковру радуга. В глазах рябило от разноцветья. Это рыцари раскинули палатки и выставили вымпелы и стяги. Родовые и добытые в бою. Пусть все видят славу семьи!

Но меня интересовало другое.

Я повернулась к городским воротам, что так гостеприимно распахнули обитые потускневшей медью створки. Над ними, приветствуя гостей, сверкал свежей

краской герб: горностаевое стропило на лазоревом поле. А чуть выше щита, меж высоких зубцов стены, реяли разноцветные флаги.

Возле ворот лениво оглядывал входящих стражник. Еще трое кидали кости в теньке. Иногда они отрывались от своего занятия, чтобы осмотреть очередной обоз или одинокую телегу. Пешие и всадники пропускались без досмотра.

В глубокой арке ворот словно гудел осиный рой – люди переговаривались, и эхо послушно подхватывало голоса. Я не стала вслушиваться, торопясь войти в город.

И чуть не задохнулась от смрада. Вонь гниющих отбросов тут же напомнила, как пахнут людские жилища. Захотелось убраться подальше из каменного муравейника. В лес, в поля... Да хоть на турнирный луг! Но вместо этого я пошла дальше.

Флагами украсили не только городские стены. Из окон свисали длинные полосы ткани. На некоторых пестрели искусно вышитые гербы. Значит, в доме поселился рыцарь. Впрочем, красота не мешала выливать прямо из окон содержимое ночных ваз, так что пару раз я только чудом успела увернуться.

Посреди нарядных улиц, в навозных лужах валялись свиньи. Тощие поросята лезли под ноги, тыкались грязными пяточками в колени, пачкая одежду. Собака, запряженная в тележку, выкусывала блох и зло огрызалась на детей, которые развлекались тем, что кидали в неё камни. Но при появлении хозяина пес оживился, а ребятня с визгом помчалась прочь, искать новых развлечений.

Я поспешила следом. Дети, скорее всего, побежали на рынок. Я не ошиблась – в центре города шумела ярмарка.

От разложенных торговцами ярких тканей зарябило в глазах. Струящийся шелк, что привезли из-за моря, соседствовал с простым льном, а куски парчи перемежались отрезами грубой шерсти. Играли в солнечных лучах меха. Бобер, куница, лиса. И – редкий, драгоценный песец.

Блестела сталь. Прямые мечи, гордость рыцаря. Изогнутые клинки пустынных воинов. Грубые кухонные ножи и изящные кинжалы. Кольчуги и латы.

Мычали запряженные в телеги волы, ржали лошади. Звонко орали петухи, а гуси галдели так, что закладывало уши. Но коробейники кричали еще громче. Пробираясь в толпе, они наперебой предлагали ленты, дешевые украшения, глиняные и деревянные игрушки... Пирожники от них не отставали. В плетеных, укутанных для тепла толстой тканью коробах ждали проголодавшихся покупателей пироги с рыбой, ливером, яйцом. А кому мало – прямо в мясном ряду можно было купить и горячих колбасок, и толстый кусок поджаренной ветчины на хлебном ломте.

Но мне сейчас не до еды. Потом, все потом. Пройти сквозь толпу, мимо скомороха, пляшущего в обнимку с медведем. Зверь на мгновение прервал танец, недовольно взрыкнул, но тумак хозяина привел его в чувство.

Сборище детей обхожу стороной. Заплатив монетку, они по очереди забираются в раскрашенное киноварью седло деревянной лошадки, и дюжий мужик изо всех сил раскручивает карусель под веселые визги детворы.

Когда-то я отчаянно завидовала этой чумазой ребятне! Но отец оставался суров: детям из рода Орвов не место среди черни! А для катания есть настоящие кони. И наблюдать за весельем нам с братом приходилось, сидя в паланкине. Правда, вечером скоморохи приглашались прямо во двор нашего городского дома, но это было уже не то...

Пройдя площадь из конца в конец, я задумалась. Где все продавцы чудес? Неужто на ярмарку не явился никто из вездесущих странствующих магов. Они никогда не упускали случая продать щепотку-другую приворотного зелья или пару коробочек чудодейственной мази. Конечно, чаще всего снадобья оказывались смесью муки, золы и жира, а большая часть бродячей братии отношения не имела к магической гильдии. Но шанс встретить настоящего чародея оставался всегда. А тут... Большой город, ярмарка и – никого, кто мог бы сойти за чародея.

Куда же они все подевались? Среди лавочек, кольцом окруживших площадь, ни одной магической. Даже гадалок нет. И только теперь я поверила, что мне на самом деле не везет. С того мига, как проснулась от крика.

Надо хорошенько все обдумать. Я одна. В чужом городе, без денег и знакомых. Языка местного не знаю. Слишком большие надежды возлагались мною на

магов. А без них...

В роду Орвов были и герои, и негодяи. Но клятвопреступников не было. И очень не хотелось открывать этот список.

Раздумывая, как поступить, я замедлила шаг. Парень, которому я помешала, не церемонясь, спихнул меня с дороги. Я уже почти возмутилась, но взгляд уткнулся в спину обидчика. Желание поквитаться с наглецом пропало. Потому как вид оруженосца направил мои мысли в другую сторону. И я заторопилась обратно к воротам.

Гвалт на поляне стоял знатный. Но воняло меньше, чем в городе.

Я впервые увидела, как выглядит праздник изнутри. Прежде в людных местах я появлялась, сидя в паланкине. А мне тогда хотелось побродить между нарядных палаток, полюбоваться на реющие стяги, поглядеть, как мнут друг другу бока простолюдины, состязаясь в борьбе. Но для леди из древнего рода Орвов подобное было недопустимо. Нянька доводила меня до почетного места на помосте, и вставала за спинкой кресла, не допуская ни малейшей вольности с моей стороны. Брату везло больше – ему, в сопровождении воспитателя и лакея, разрешалось чинно пройти между палаток.

Теперь же я вольна ходить, где вздумается. И я пошла к дереву, на котором герольды вывешивают щиты допущенных до турнира рыцарей. Я всматривалась в рисунки, но среди множества сочетаний фигур и цветов не нашла ни одного знакомого. Надежда найти воина из моих краев развеялась, как туман под порывами ветра.

Вокруг шумело веселье. Где-то стучали палки – простолюдины выясняли, кто лучше владеет этим оружием, а зрители кричали и свистели, поддерживая того, на кого поставили монетку.

Чуть в стороне пронзительно вопила волынка, и молодежь устроила танцы. Прыжки, смех, задорные выкрики усиливали шум.

Несколько человек уселись обедать прямо на траве. Разложили покрывала, достали из корзинок снедь. Кто-то покупал еду у торговцев-лоточников. От запаха жареного мяса скрутило желудок. Хорошо бы поесть по человечески.

Возможно того, что лежит в кошельке, хватит на кусок хлеба с сыром и кружку пива. Для полной уверенности я понаблюдала, какими монетами расплачивались с торговцем люди.

Мясной пирог оказался вкусным, а пиво – жидким. Перекусив, я отправилась бродить по лагерю. Надежда узнать хоть что-то полезное не умирала.

Турнирные шатры выстроились ровными рядами. Над каждым реял гербовый флаг, а у входа, на специальном шесте размещается щит. Оруженосцы начищали доспехи и точили мечи, не забывая приглядывать за трофеями, выставленными на всеобщее обозрение. Слишком любопытных зевак отгоняли тычками и руганью. Разумеется, если тот – простолюдин.

Я попробовала подойти к шатру, но привязанная у раскрашенной коновязи лошадь заволновалась, поджимая зад. Да и собаки скалились. Среди них опаснее всего были серые волкодавы из далекой северной страны. Такой же пес жил у моего отца. Свирепый, недоверчивый. Но со мной дружил. Я никогда не забывала принести ему косточку, да и за обедом совала в пасть кусочек-другой.

Увы, те времена давно прошли. Отныне собаки и лошади видели во мне только врага. Поэтому и гербы пришлось рассматривать издали. Не найдя знакомых, я решила вернуться в город.

Мысли в голове крутились невеселые. Чужой город, чужая страна... Что делать дальше? И тут, среди гула, в который слились для меня людской говор, лай собак, ржание лошадей, послышались знакомые нотки. Я не сразу поняла, что это всего лишь песня. Мужской голос, нещадно фальшивя, старался перекрыть шум:

В далеком замке у реки

Не жди, любимая, не жди,

Когда растает снег...

Певец полулежал на траве, подпирая щеку одной рукой, и зажав во второй кружку с темным элем. И явно получал удовольствие от собственных воплей.

- Доброго дня тебе.

Мужчина приоткрыл глаза и кивнул, не прерывая пения.

Он меня понимает!

- Может, все - же ответишь, как положено?

- А как - положено?

В Замке за такое уже глаз бы лишился. Но сейчас мне не до уязвленной гордости.

- Бывал в Ассалии?

Пялиться в толпу ему явно интереснее, чем на меня.

- В далеком замке у реки...

Эту балладу я знала наизусть. Часто слышала в доме отца. До того, как поселилась в собственном. После в пении нужды не возникало. Хотя навыки я не растеряла. Если надо будет, спою наравне с менестрелем. Только вот этот мужчина не оценит. Вряд ли он слышал кого талантливее, чем уличные певцы. И все же сейчас он - моя единственная надежда.

На два голоса получилось еще хуже. Но настроение я ему сбила. Допив эль, он грустно спросил:

- Ну что пристала? Чего тебе от меня надо?

- Помощи.

- Я не подаю нищим.

Нищая? Я? Дочь Лорда Орвов? Хозяйка Замка-на-Скале? Там бы за такие слова давно языка лишился. Но сейчас он прав. Я - нищая. Из имущества у меня

одежда, нож, арбалет, да несколько монет в кошельке.

Видно, на лице отразилось все, что я думаю.

– Ошибся? Извини. И не стой столбом, сядь. Так чем я могу помочь, если не деньгами?

Я устроилась на траве, скрестив ноги. Как в детстве. Няня и матушка ругали меня за дурную привычку, но она оказалась сильнее уроков этикета.

– Откуда ты знаешь эту песню?

– Не помню. Услышал. Это важно?

– Как сказать... Я просто узнала ассалийский. Тут почти никто не говорит на нем. Где ты его выучил?

– Да так. По свету много ездил. Бывал и в Ассалии. А ты оттуда?

Я вздохнула. И весьма правдиво поведала свою историю:

– Заснула вечером дома. А проснулась... в лесу. Все вокруг чужое, язык незнакомый. Вот, ищу мага. Надеюсь, поможет.

– Мага? – мужчина нахмурился, – Нет, этих тут не водится. Да и опасно с ними связываться.

– Почему? Они могут вернуть меня домой...

– Или забросить еще дальше. Ты вспомни, перед тем, как сюда попала, ни с кем из их братии не ссорилась?

– Ну ... может быть.

Память услужливо подсунула несколько имен. Хотя нет, у тех тоже кишка тонка.

– Вот видишь. И добрый совет – забудь о магах, тут они вне закона.

Ох, и куда это я попала? Страна, где маги изгнаны, не просуществует долго.

– Почему? Впрочем, без разницы. Но что мне теперь делать?

– Что делать? Ты у меня спрашиваешь? А про то, случилось, расскажу, если интересно.

Раньше чародеи тут в чести были. Даже в королевском дворце Совет Магов заседал.

В городах – школы стояли. В них детей с магическим даром со всей страны собирали. Родители сами приводили. Понятное дело – брали их на полное обеспечение. И сыты, и одеты-обуты, и образование.

До Совета, конечно, не все добирались. Кто-то лавки свои открывал, кого лорды к себе приглашали. Кому меньше повезло, тот по дорогам бродил, умение за звонкую монету продавал. С голоду все же никто не умер.

Так и жили. А потом заболела королева, жена тогдашнего короля, Ороша Шестого. Нынешнему правителю, стало быть, она бабкой приходится. Уж как её лечили! Каких докторов и чародеев приглашали! А все без толку. Умерла королева.

Орош всю страну одел в траур. Да подданные и сами горевали. А вот принца смерть матери словно и не задела. Вместо скорби, надел на отца с просьбой о женитьбе. Глянулась ему дочь гофмейстера. Королева против этого брака была – то ли девушка не нравилась, то ли ровней не считала. Но король сыну не отказал. Тот ведь мать потерял.

Свадьбу сыграли, едва дождалась окончания траура. Люди поговаривали, что не к добру такая спешка, но Тайная служба позаботилась, чтобы недовольные поменьше рты разевали. Все же, после того, как трое детей наследника умерли, не прожив и полгода, уже и шептаться перестали – в голос заговорили, что это наказание за свадьбу над свежей могилой.

И несчастья на страну дождем посыпались! То засуха такая, что землю трещинами покрывает, то реки из берегов выплескиваются. Через несколько лет пришел голод.

Маги кинулись читать заклинания, знахарки – зелья варить. И на ветер их брызгали, и в воду лили. Не помогало. Начались бунты. И как на заказ, маги нашли в древней книге заклинание. Но чтобы оно подействовало, нужна была королевская кровь. Для обряда.

Во дворце вой поднялся. Знать магов тех чуть лошадьми не разорвали. Государь спас. Он так и не оправился после смерти жены, тосковал сильно. Жил ради королевства, да сына. А коли наследник вырос, решил ему Орош державу передать, а свою кровь отдать магам, чтобы страну спасли. Все равно, мол, жизни нет.

Но сын воспротивился. Не захотел отца на смерть отпускать, себя предложил. Только какой родитель допустит, чтобы ребенок впереди него в иной мир ушел? Придворные пометались – пометались, да и притихли, выжидая, чем дело закончится.

Лишь жена принца не успокаивалась. Все уговаривала. Видно, тогда и заподозрил он неладное. Как удалось ему расследование в тайне держать, непонятно, но только то, что узнали, повергло страну в ужас.

Кому из магов пришла в голову мысль поменять династию, так и не выпытали, но подготовились они к перевороту серьезно.

Просто сменить правителя на троне было невозможным. И маги придумали хитрый план.

Жена гофмейстера оказалась очень восприимчива к колдовству. И когда она понесла, ребенка окутали чарами еще в утробе матери. Уж неясно, какие заклинания подействовали, только родилась девочка.

Малышка росла, а вместе с ней ширилась и крепла паутина.

В четырнадцать лет девушку представили ко двору. Там её и увидел принц. Колдовать над наследником было нельзя, но пробудить у молодого человека интерес к красавице оказалось проще простого. Тут даже настоек травяных хватило. И уже через полгода поползли слухи о свадьбе.

Неожиданно этому воспротивилась королева. Идти против воли матери принц не смел, и магам пришлось убирать возникшее препятствие. Колдовством окружили, зельями опоили, и государство осиротело.

Когда все раскрылось, наследник чуть руки на себя не наложил! Пусть и невольно, он стал причиной смерти матери.

Король пришел в ярость. Маги были объявлены вне закона, но времени покинуть страну им не дали.

Все произошло так стремительно, что только немногие сумели спастись. Членов Совета схватили первыми. Сначала подвергли пыткам, а потом сожгли на площади. Там же отсекали голову супруге наследника. Её родителей казнить не успели – узнав о происходящем, гофмейстер заставил жену выпить яд, а сам кинулся на меч. Не ждал пощады, хоть и был другом короля.

Магов уничтожали вместе с семьями – изводили заразу под самый корень. Детей выкидывали из окон, прибивали гвоздями к порогу. Беременным вспарывали животы. Горели Школы с запертыми учениками... Даже травниц и знахарок, что к магии никакого отношения не имели, разрывали в клочья.

Чтобы оказаться в застенках, не обязательно было колдовать. Стоило поссориться с соседом, и донос ложился на стол в тайной канцелярии. А там особо не разбирали, прав или виноват – на дыбе, да под каленым железом люди оговаривали и себя, и родных, и друзей.

Разделавшись с магами, Орош Шестой издал указ. Отныне колдовство каралось смертью.

– Поэтому и не найдешь ты тут ни магов, ни знахарей. Ищи другой способ.

Такого я не ожидала.

Но все же – кто забросил меня в эту проклятую страну? Явно подозревал, что я выживу и изо всех сил старался задержать. Ладно, сильный противник – это интересно. Но чтобы выиграть в схватке, надо узнать больше.

– Когда ты был в Ассалии в последний раз?

– Лет семь назад. Может, восемь. Хороший у вас король. Мудрый.

– Ты его видел?

– Ага. Рыцарь, у которого я служил, при посольстве состоял. Так что и во дворце бывать приходилось, – он помолчал, а потом как отрезал, – Король хороший. А вот королева...дрянь!

Невероятно! Неужели королева Эльфри перестала скрываться в Западном крыле дворца, среди жрецов и молитв, и вышла в свет?

– У нас Её Величество Эльфри считается благочестивой женщиной.

– Ту королеву звали Тата. Постой, – мужчина напрягся и посмотрел мне прямо в глаза, – а ты точно оттуда? Говор у тебя странный.

– У тебя тоже... акцент, – я бездумно огрызнулась, думая о другом.

Тата. В Королевском Доме не было никого с таким именем. И в ближайшем окружении тоже. Откуда же она могла взяться? И куда делась Благочестивая Эльфри? А если... Нет, невозможно!

– Эй, что с тобой?

– М? – я вернулась к собеседнику.

Убедившись, что со мной все в порядке, мужчина успокоился и опустил обратно на траву.

– Уходишь от ответа? Невежливо!

- Какой сейчас год? - мне было наплевать, что он думает о моих манерах.

- Четыре тысячи восемьсот седьмой. А что?

- Ничего.

- Как же! На тебе лица нет! Подожди тут, я сейчас, - мужчина убежал к лавкам.

Было от чего побледнеть. Похоже, я отсутствовала дома полторы сотни лет. Не удивительно, если вспомнить, в каком виде я в себя пришла. Но где они нашли такого сильного волшебника? Как у него получилось наложить чары, когда я была в Замке? И кто он? Все равно найду гада!

- Вот держи, - глиняная кружка обожгла ладони, - Горячо? Ничего, зато в себя придешь. Пей, пока не остыло.

Издевается? На небе - ни облачка, одежда мокрая от пота, а тут сбитень. Но выпила. От специй засвербило в носу.

- Будь здорова!

- Благодарю.

- Полегчало?

- Да. Скажи, далеко отсюда до границы?

- Не близко.

- Тебе сказать жалко? Я отстану. Честно.

Мужчина обреченно вздохнул:

- Все равно ты одна не доберешься. Во-первых - женщина. Во-вторых - больная. Давай так. Отдохнешь пока, а после турнира вместе подумаем.

С чего он решил, что я нездорова? Неужели из-за бледности? Похоже, цвет кожи сослужил мне добрую службу.

Почему он вдруг поменял мнение? Зачем я ему? Предложение мужчины казалось подозрительным, но спорить я не стала – кто знает, что из этого выйдет.

– Меня Лойзом кличут.

– Я – Улла.

Лойз отвел глаза. Понятно. Имена тут прямо не называют. Боятся. А значит, маги в стране остались.

Произнесенное вслух растопило лед. Лойз стал приветливее и засыпал вопросами. Я подтвердила свои подозрения и включилась в игру: меня с детства учили уходить от нежелательных вопросов, да так, чтобы собеседник не понял, в чем дело. Ну, а жизнь в Замке отшлифовала это умение до совершенства.

Зато разговорить самого Лойза теперь оказалось нетрудно. Ребенок из бедной семьи, мечтающий о богатстве и славе. Для таких всегда найдется место в армии. Лорды постоянно испытывают нужду в согласных хоть в огонь, хоть в воду крепких мужчинах. И некоторые хорошо платили за риск.

Двадцать лет пограничных стычек сделали Лойза отличным воином и лишили иллюзий. Он поднакопил денег, купил дом и женился. Родилась дочь.

– Взрослая уже совсем, невеста. Я её семь лет не видел, – голос наемника стал грустным. – Узнает ли?

– Узнает.

– Ну, ничего, – Лойз повеселел, – на внуках отыграюсь. Дочка у меня теперь невеста завидная, с хорошим приданным, в девках не засидится.

Я умела слушать. Кивая и задавая вопросы, я плавно перевела разговор в нужное мне русло.

Для начала выяснила, что нахожусь в Саймене. Пришлось вспоминать географию. Никогда не любила этот урок, а карты приводили меня в ужас.

Чтобы вернуться, нужно переплыть Язык – длинный залив, соединяющийся с Горьким морем, и пересечь Сугур. Ближе, чем я думала.

Но Лойз охладит мой пыл: как раз сейчас шла война между Фелией и Вейфартом. Их адмиралы не очень смотрели, флаг какой страны развевается на мачте проходящего мимо корабля.

Попробовать пройти через Лиграс? Его и Саймен разделяет горный хребет, пересечь который очень трудно. Без проводника я вообще далеко не уйду.

Но тут Лойз заметил что нам – по пути.

– Какое-то время мы можем идти вместе. Только учти – я за тебя платить не буду!

Уже неплохо. Я не в том положении, чтобы загадывать надолго. Правда, бдительность придется удвоить – предложение хоть и заманчивое, но крайне подозрительное!

– Договорились! Только сообщай заранее, в каких гостиницах за ночлег по три шкуры не спускают. И сейчас... Где посоветуешь остановиться?

Лойз задумался.

– Пожалуй, в "Старой Яблоне". Хозяин пускает путников переночевать. Спать, правда, придется в общем зале. Зато недорого и безопасно. Три ночи потерпеть можно. Раньше не освобожусь, я сюда специально на турнир заглянул. Может, выиграю. Да, еще. В "Старой Яблоне" ужасно готовят. Питайся где-нибудь в другом месте. Ну, я пошел, – Лойз встал, надел островерхую шапочку. Непослушный локон выбился на лоб, прикрыв глаз. Лойз откинул его привычным движением головы. – Если понадобится, я остановился в «Бешеном Лосе».

Я снова пошла к турнирному дереву. Вдруг вывесили новые гербы? Только теперь планы изменились. Сперва стоило выяснить, что сейчас происходит в родной стране.

Ассалийских щитов не появилось. Больше делать было нечего, только гулять. Я заглянула посмотреть на кулачные бои. Ничего особенного, пыль, грязь, кровь... Крестьяне не гнались за изяществом и красотой.

А вот лучники порадовали.

Они выстроились вдоль очерченной линии. В руках – готовые к стрельбе луки, в колчанах – по пять стрел. Все должны лечь в нарисованный киноварью круг на деревянной мишени.

Лучники старались. Проверяли ветер, поднимая вверх обслюнявленные пальцы, или кидая в воздух горстку пуха. Тщательно целились. Но удача – дама коварная. Проигравшие покинули площадку под язвительные выкрики зрителей. И отвечали на зубоскальство – зубоскальством.

Почти все остались – интересно было узнать победителя.

Пока с поля убирали лишние мишени, и устанавливали новые, зеваки времени не теряли. Спорили, заключали пари, отдавали и получали деньги по результатам первого тура. Были и обиженные, и счастливые.

Но как только распорядитель дал знак продолжать, все стихло.

Снова у каждого – по пять выстрелов. Теперь мишени стоят куда дальше.

В конце осталось восемь стрелков. Кто из них лучший – выяснится завтра, на главном ристалище. Победитель получит награду от самого Лорда, и их имена будут занесены в особый список.

Едва объявили результаты, как площадку заполнили любопытные. Они окружили мишени, измеряли расстояние, крутили в руках стрелы, спорили. Где-то среди них есть егерь. Запоминает оперение стрел, вес, длину. Дома, после таких праздников постоянно выяснялось, кто охотился в Заповедном Лесу. Тут так же

будет. Потом, без шума, проводят браконьера его в подвалы замка. А там хоть кричи, хоть песни пой.

Я успела увидеть, чем закончился турнир оруженосцев. Ради заветных шпор парни старались вовсю! На церемонию посвящения не осталась – видела сотни раз.

Но как я не тянула время, к "Старой Яблоне" пришла рано. Трактирщик еще и не думал закрываться на ночь. Я долго пыталась объяснить, чего хочу, но он не понимал. Наконец, я догадалась сложить ладони и поднести к щеке.

Хозяин закивал, вытянул два пальца, а потом потер большой об указательный. Две монеты. Я кивнула, снимая с плеча мешок.

Но трактирщик замотал головой, показал фонарь и дунул, словно задувая свечу. Придется подождать до времени тушения огней. Ладно, тогда и заплачу.

Мужик недовольно прищурился, когда я убрала деньги обратно в кошелек. А ты как хотел? Докажи потом, что платила! В честность людей я не верила.

К вечеру в трактире собрались те, кому не хватало денег для приличного ночлега. Под зорким взглядом трактирщика сдвинули столы, уложили набитые соломой тюфяки. Такие же кинули на пол – хозяин использовал возможность по полной.

Мне досталось место в уголке. Я свернулась на вонючем матрасе, с головой укрылась плащом и заснула.

Боль. Оранжево-красная, как огонь, пожирающая родной дом, и такая же невыносимая. Сколько она длится? День? Год? Столетие?

Открыть глаза и оглядеться нет сил. Мысли словно превратились в раскаленные угли и выжигают голову изнутри. Звуки вонзаются в уши железными иглами.

Но осмотреться все-таки надо. Приоткрываю глаза. И слепну от яркого света.

Зрение медленно возвращается. Вверху мной – толстые ветки незнакомых деревьев. Они переплетаются высоко-высоко, так плотно, что скрывают небо.

Бесконечно долгие дни, а может, годы, я развлекаюсь, наблюдая, как качает их ветер, и дождевые капли, не в силах сразу преодолеть преграду, собираются на листьях в прозрачную лужицу и упругими струйками срываются вниз.

Иногда мне везет. Они попадают прямо на пересохшие губы, и можно их слизнуть. Сама поймать струю я не могу. Поэтому даже в дождь приходится довольствоваться тем, что водяная пыль просто оседает на теле. Но это не важно. В этом мире деревьев вообще нет ничего важного.

Время идет, и думать уже не больно. Я вдруг понимаю, что листья зеленые, воздух – теплый и свежий, а лежать на земле мягко и уютно.

Осознаю это, и тогда начинаю вспоминать.

Улла. Мое имя. Улла из рода Орвов, Хозяйка Замка-на-Скале. Чтобы осмыслить, уходит немало времени. Но это не имеет значения. Впереди – вечность.

Постепенно из глубин измученной памяти выплывает крик. Брат пытается предупредить об опасности. Тело действует прежде, чем полусонный мозг – распахнутые крылья сметают нападающих, я слышу, как ломаются кости. В нос ударяет запах крови, я ощущаю её капли на лице. Она пахнет железом, и так хочется слизать алые подтеки с пальцев. Но сил не хватает – вчерашняя битва выжала до капли. Сквозь крики боли я слышу непонятный, жуткий звук и...

Просыпаюсь здесь.

Вокруг ничего, кроме растений. Смену дня узнаю по свету. Утром он нежный, мягкий, как кожа новорожденного. Днем – приобретает зеленый оттенок листвы, сквозь которую просачивается. Сумерки наступают быстро, очертания веток растворяются в темноте, и до рассвета я ничего не вижу, ощущая жизнь только слухом.

В один из бесконечных дней мне удалось слегка повернуть голову. Чуть-чуть приподнять руку. Оглядеться.

У меня нет кожи. Вместо неё – кровавая корка, покрывающая обрывки мяса. Малейшее движение – и коричневый покров рассекает сеть трещин, из которых начинает сочиться влага.

И я терпеливо лежу, овеваемая ветром, омываемая дождем. Жду, когда восстановятся мышцы, нарастет кожа и немного утихнет боль.

Наконец, это происходит. Я поднимаюсь, опираясь на ствол давшего мне приют дерева. Встаю тяжело, цепляясь за кору, царапая молодую кожу и сдирая зародыши ногтей. Не обращая внимания ни на слабость, ни на головокружение. Запрещаю себе думать о том, что нахожусь голая в незнакомом лесу. Все после. Сейчас нужно выпрямиться. И поесть.

Но неприятный сюрприз кидает меня обратно на землю. Я не чувствую окружающего! Кто из зверей или людей находится поблизости? Кто станет моей добычей? И кто опасен для меня самой?

Это плохо. От голода не умру, но чтобы двигаться, нужны силы. Провалиться тут вечность я не могу себе позволить. Меня ждет Замок-на-Скале. Я должна вернуться, иначе Договор будет нарушен!

При мысли об этом в глазах потемнело. Я словно провалилась в пропасть, ужас криком вырвался из груди, заставляя проснуться.

Я кричала только во сне. Наяву – не издала ни звука. И страх остался там, по ту сторону яви. Дыхание не сбито, и сердце бьется ровно, отмеряя ритм моей жизни. До утра далеко, надо постараться уснуть.

Духота мешала. Дверь в таверну заперта, окна тоже замурованы. Вокруг – десятки сопящих и храпящих тел. Сосед чешется во сне – в тюфяках полно вшей и блох. Мне они не досаждают, чуют. А вот вонь терпеть тяжело. Похоже, тут собрались ярые противники мытья.

Заснуть не получилось. Уже по привычке пытаюсь найти нити, почуять мощь Замка. Бесполезно. Так же, как и тогда, под деревом...

День сменился ночью, а я, скорчившись среди корней, отчаянно ищу связь с Замком. Без нитей, которые протянулись между нами подобно пуповине, я беспомощней младенца. За годы, проведенный в Замке-на-Скале я отвыкла жить сама, забыла, что значит быть просто человеком.

Усилия вымотали, но оказались бесполезными. Вокруг – пустой мир. Чтобы наполнить его жизнью, надо вернуться.

Отныне лежать и ничего не делать – непозволительная роскошь. Раз за разом пытаюсь встать, и падаю, едва руки перестают обхватывать дерево.

Наверно, я должна была возненавидеть этого древнего великана. Землю, ставшую вдруг жесткой и каменной. Свое тело, такое беспомощное и слабое. Но я не умею ненавидеть. В этом – мое проклятие. И спасение. Потому что отчаиваться я не умею тоже.

Я поняла причину падений. У меня нет сил. Обычных, человеческих. Обязательно нужно поесть. Но встать я не могу.

Ближайшее гниющее дерево нашлось на расстоянии вытянутой руки. Там, под корой, живут толстые белые личинки. Они лопаются во рту вязкой, пресной жижей. Даже силы на жевание тратить не надо, только глотать. Трапеза длится долго, но голод утихомиривается. Теперь – спать.

Утром я ем змею. Она обвилась вокруг запястья, когда я шарила в траве в поисках щепки. От укуса распухла рука, но это не большая плата за нежное, сочащееся кровью мясо.

Силы прибавлялись, и охотничьи уголья стали шире.

Когда-то отцовский егеря учил нас с братом ставить тенета. Не благородная охота, но теперь наука пригодилась.

Первого кролика я ем сырым, а шкуркой обматываю ноги. Хоть раны и заживают за одну ночь, а так удобнее. Одежду заменяют пучки папоротника, связанные травой. Оборачиваю юбку вокруг пояса. Ужасно. Только вот стыдно мне не бывает.

Ручей нахожу по звериным тропам. От ледяной воды ломит зубы, но я все же решаю искупаться. Скидываю травяной наряд и ложусь в звенящий поток.

Кожа покрывается мурашками. Я закрываю глаза и позволяю воде запустить тонкие пальцы в волосы. И только искупавшись, понимаю, насколько плохо без нитей...

Прямо надо мной стоял охотник. Удивленный и... Исходящие от него волны похоти чувствовались издалека. Стало жарко и капли воды на теле тут же испарились, сменившись испариной. А внутри, в том месте, где сходятся ребра, заворочался Голод. И чем желаннее я была для мужчины, тем сильнее – боль.

Увы, сейчас, без помощи Замка, унять её можно было только одним способом. То, что охотник не ждал нападения, сыграло на руку. А убивать я умела. Но никогда прежде я не делала это с помощью высохшего до каменной крепости острого сучка. Самым сложным оказалось пробить сонную артерию одним ударом.

Охотник падает, двумя руками зажимая рану. Я отскакиваю, чтобы не достал в агонии, и смотрю, как извивается на земле человек. Из него алым ручьем вытекает жизнь, и похоть сменилась страхом. Холодным, липким... А еще есть недоверие. Почему-то люди никогда не верят, что уже – конец.

Они боятся смерти. И их ужас, когда она все-таки заглядывает им в глаза, сладок. Пьянит, как старый, хорошо настоявшийся мед. Но выпить его я не могу – мужчина, даже смертельно раненый, все еще сильнее меня.

Голод. Ноги подгибаются, хочется упасть на землю и, прижав к животу колени, выть от боли.

В последний миг, тот самый, когда жизнь решает, остаться ей в теле, или улететь, я смелею. Подхожу к охотнику, ловлю мутнеющий взгляд и приникаю губами к ране.

Все, что пережил мужчина в жизни, обрушивается на меня лавиной. Боль рождения. Он сам не помнит её, я же выпиваю до капли. Мальчишеское горе от несправедливых обид... Сладость первого поцелуя и влюбленность. Настолько хрупкая и нежная, что паренек еще сам не признал её. И ужас смерти. Я высасываю все, до капли. И, когда стекленеет взгляд, и последняя судорога

вытянула тело, снова пытаюсь призвать силы, что многие годы не покидали меня ни на миг.

Бесполезно. Видно, слишком далеко я от дома. Придется пока хранить человеческие чувства в себе.

Но кто же так постарался? Неужели герцог разозлился за то, что вмешалась в приграничную стычку? А чего он ждал? Не могла же я спокойно смотреть, как от нашей земли оттяпывают приличный кусок?

Я обещаю себе, что разберусь. И этот охотник мне поможет.

Отстирываю в ручье одежду, в обувь набиваю прошлогодней травы. Ремешки туго обхватывают голень. Примеряюсь к оружию – широкий нож и маленький, непривычно легкий арбалет. В мешке нашлись силки и настоящая еда. Вареное мясо, сухая колбаса, хлеб и сыр. Жую тут же, запив пивом из кожаной фляжки. И проверяю кошелек.

Таких монет я не знаю. Разберусь на месте.

Ночевать у костра, под пологом из плотной ткани было уютнее, чем сейчас, в трактире. Я пожалела, что не ушла из города на ночь. Пришлось терпеть до рассвета, когда трактирщик разбудил спящих и велел убрать тюфяки. Кто-то потребовал завтрак, я же поскорее выбралась на улицу. Но запах ночлежки преследовал меня и там.

Нормально дышать я смогла, только выйдя на луг. Сегодня рыцари покажут свои умения, а в ожидании главного зрелища людей развлекают солдаты и наемники. Победителю достанется увесистый кошелек, Лойз из-за него и приехал. Я могла только пожелать новому знакомому удачи. А заодно посмотреть, на что он способен.

Рев труб заставил толпу качнуться к дороге. По ней из города двигалась процессия.

В первый день турнира рыцарям полагается подъехать к шатрам с подобающей торжественностью. Для этого они поднялись еще затемно и выехали к ближайшему храму. Там жрец благословил их оружие и призвал биться честно, во славу Богов и Прекрасных Дам.

Теперь нарядная кавалькада возвращалась к ристалищу.

Впереди шли жонглеры. Яркие мячи вырвались из их рук, чтобы, описав дугу, вернуться обратно. За ними шествовали Мастера Огня. Увы, ничего интересного я не у них не подсмотрела. Знаменосцы тоже не порадовали. Под ритмичный перестук барабанов они синхронно взмахивали разноцветными тряпками с гербами города и устроителей турнира, но до великолепных мастеров "Игр с Флагами", которых я видела дома, им было далеко.

Дальше на одинаковых вороных лошадях ехали герольды и судьи. Нарочито просто одетые и без гербов, они считались чуть ли не самыми уважаемыми участниками праздника.

И только после судей, выстроившись в колонны по трое в ряд, выступали нарядные рыцари. Некоторых сопровождали дамы сердца, восседая на крупах могучих коней. Как-то раз и я так ехала. Мне было семь лет, и молодой рыцарь, друг отца, решил пошутить. "Пусть привыкает к роли дамы сердца". И все бы ничего, не будь я влюблена в этого сэра Нотхельма. Счастье кружило голову и я посматривала на остальных сверху вниз. Сейчас от того чувства даже следа не осталось. Лишь зарубка глубоко в памяти.

Завершали кавалькаду акробаты. Они выделяли такие пируэты, так высоко взлетали над землей, что едва не затмили самих рыцарей.

Я не стала дожидаться конца шествия. Протолкалась сквозь толпу и пошла посмотреть на Лойза. Распорядители уже провели жеребьевку и теперь разводили соперников по местам.

Он оказался хорошим бойцом. Жребий определил ему полуторный меч, и владел Лойз этим оружием мастерски. С противником не церемонился, использовал и затупленный клинок, и гарду с тяжелым навершием. Но в третьем туре все же проиграл.

Я встретила его у выхода. Лойз отдал меч помощнику распорядителя, и криво улыбнулся:

- Не получилось. Ну, да ладно. Взнос небольшим был. Пошли, перекусим?

- Нет, спасибо, - я не завтракала сегодня, но денег в кошельке становилось все меньше, а пополнить запасы было негде. - Я турнир посмотрю.

- Дело твое. Я завтра уйду. Ты со мной?

- Да, конечно.

- Тогда встретимся у ворот, перед открытием, - наемник исчез в толпе.

Я же пошла к ристалищу.

Возле самой ограды было не протолкнуться. Я нашла небольшой холм, с которого ристалище хорошо просматривалось. А слышать - не обязательно. Да и не нужно - правила турниров везде одинаковы.

Трубы возвестили появление Верховного Герольда. Воздев руки к небу, он долго говорил, а потом дружный крик рыцарей перекрыл гам толпы. Видимо, принесли клятву сражаться честно.

А на ристалище разыгралось представление. По знаку распорядителя из общего строя вывели коня. Слуги ловко перерезали подпругу, и восседавший на нем рыцарь с грохотом обнял землю. Герольды тем временем водружают седло на забор, и, подхватив несчастного, под смех зевак усаживают его сверху.

Видно, серьезно нарушил правило. Сидеть ему теперь там до окончания праздника, а его конь достанется герольдам.

Участники скрываются в шатрах, чтобы облачиться в доспехи. И вскоре первая пара занимает свои места. По знаку распорядителя падает алая лента, символически разделяющая всадников, и могучие боевые кони поднимаются в тяжелый галоп.

Впервые я смотрю на турнир не с помоста для знатных гостей. Но я хорошо помню, что там происходит. Перед глазами стоят и яркие попоны, и плюмажи, и развивающиеся на щитах ленты и рукава. Я знаю каждую черточку родовых гербов. Только принадлежат они тем, кто давно покинувшем этот мир.

Сэр Нотхельм. Алый золоторогий олень на горностаевом поле. Девиз – "Стремление". Моя первая, еще детская любовь. Как я желала ему победы! И волновалась за статного всадника в красно-желтом плаще. Кричала от радости, когда его противник вылетал из седла, и не замечала насмешливых взглядов отца.

Копыта коней поднимали пыль, копья ломались с оглушительным треском, а мой рыцарь так ни разу и не вылетел из седла. И когда Верховный Герольд передал ему золотую корону Королевы Турнира, я была готова, что её возложат на мою голову.

Глупый ребенок. Но сэр Нотхельм давал повод к надежде. Он один из взрослых всегда относился ко мне серьезно. Охотно принимал участие в наших с братом играх и иногда на пирах, с разрешения отца, приглашал меня на танец.

Но желанный символ в тот день украсил голову леди Леффин, старшей дочери герцога Альжи. Я чуть не заплакала от обиды, когда под восторженные крики сэр Нотхельм вел свою избранницу к покрытому соболиной мантией трону. Чего мне стоило тогда сдержаться!

Потом нас с братом отправили в городской дом, где мы провели остаток дня. Я металась по комнате, удивляя брата. Он думал, я переживаю из-за короны и клялся, что первую же победу в турнире посвятит мне. И возмущался коварством рыцаря – ведь сегодня сэр Нотхельм выступал моим кавалером!

Вечером, заехавшие переодеться к пиру родители сообщили, что грядет свадьба – мой возлюбленный просил у герцога руки Леффин, и получил согласие.

Я не хотела жить. В присутствии посторонних мне еще удавалось держать себя в рамках, но стоило остаться одной... В голову лезли то мысли о самоубийстве, то планы мести предателю.

На свадьбу не взяли ни меня, ни брата. Но родители вернулись довольные, а Адала, мамина служанка, захлеб рассказывала моей няне, какими нарядными были дамы и что подавали на стол. Меня как раз засадили за вышивание, пришлось слушать о счастье предателя. Всю ночь я проплакала, уткнувшись в подушку. Тихо, чтобы няня не услышала. И поклялась, что отныне мое сердце закрыто для любви.

Клятву я сдержала. Но совсем не так, как хотелось.

В следующий раз я встретила сэра Нотхельма через много лет. Я уже жила в Замке и, когда мы обменялись вежливыми поклонами, ничего не напоминало о прежних чувствах. Да и сам рыцарь изменился. Остепенился, обзавелся внушительным животом, тремя дочерьми и сыном. От прежнего юноши остались разве что солнечные зайчики в глазах.

Брат так и не выполнил обещания. Но я об этом не сожалела.

Утром сонные стражники вынули из скоб тяжелый засов, и створки распахнулись, жалуясь на судьбу плохо смазанными петлями. Лойз стоял чуть в стороне от толпы, желающей выйти из города, ждал меня. Как только я подошла лошадь, которую он держал под уздцы, всхрапнула и заволновалась.

– Тщщщ. Тихо, тихо, дуреха, – в голосе наемника слышались неожиданно ласковые нотки, – Чего испугалась?

Только успокоив животное, мужчина обратил внимание на меня:

– Пошли?

Бредя по разбитому колесами сотен повозок тракту, мы перекинулись едва ли парой фраз. Лойз выбирал направление, и то, где и когда можно отдохнуть. В первый раз остановились прямо у дороги, не обращая внимания на пыль, что летела из-под ног путников.

– Вот, держи, – расслабив подпругу и отправив лошадь пастись, Лойз протянул мне кусок пирога. – На харчи, небось, денег не хватило? А ну, стой спокойно! – это уже относилось к взбрыкнувшей лошади, – Какая муха тебя укусила?

Пока я жевала пирог, запивая водой из фляги, Лойз тщательно осмотрел животное.

– Ничего не понимаю. Да что с тобой такое?

Я знала, отчего волнуется животинка, но молчала. Просто дождалась, пока Лойз поест и встала, готовая продолжать путь. До вечера шли без привалов.

Заночевать Лойз предложил в трактире. Сосуществовать с вонючими, кишачными паразитами людьми у меня желания не возникло. И зачем, если можно переночевать в каком-нибудь лесочке, у чистого ручья?

– Затем, что там на тебя не накинется банда проходивших мимо разбойников.

– А банда прикормленных трактирщиком? Давай так – ты ночуешь в трактире, а я где-нибудь неподалеку. Утром встретимся.

Лойз покачал головой и ночевать мы остановились в березовой роще. Судя по аккуратно выложенному камнями кострищу, место понравилось не только нам.

Ужин состоял из жаренных на огне пряных кровяных колбасок и хлеба. Протягивая мою долю, наемник вздохнул:

– А могли бы по-человечески поесть. Ухи там, или рагу мясного с овощами...

– Я тебя не заставляла. Мог остаться в комфорте.

– Ага. И всю ночь волноваться? Нет уж, лучше так, у костра.

После ужина Лойз, глядя, как я устраиваюсь спать, поинтересовался:

– Ты ведь не из простых, верно?

- Что?

- Ты из хорошего дома... Может, даже Леди. Да не качай головой, я всю жизнь с рыцарями бок-о-бок. Насмотрелся. Породу спрятать трудно.

- Ну, предположим... И что?

- Просто почему бы вам не явиться к рыцарю какому? Или к самому королю? Неужели оставят даму в беде?

- Да? Ты точно рядом с рыцарями бок-о-бок жил?

Вот о чем, а о благородстве мне сказок не надо. Яркие плащи и громкие слова на турнирах, заздравные чаши на пирах и... глубокие казематы под замками.

- Одинокая женщина, неизвестно кто, откуда, еще и с магией связана...

- Да, пожалуй, это я зря, - но желание помочь у Лойза просто кипело, - А может... Слушайте, в местечке Агиелм есть Проклятый Холм. С тех пор, как магов повывели, туда не ходят, опасаются. Но, думаю, если осторожно, то можно заглянуть. Вдруг чем поможет?

Проклятый холм? Ну, посмотрим. Хуже все равно не будет. Глядишь, и вправду... поможет.

И на развилке мы свернули с наезженного тракта на узкую дорогу. Вихляясь среди лугов, она иногда сворачивала к деревушкам, где Лойз, враз перестав экономить, закупал продукты. Или, если попадался трактир, заказывал обед для двоих. Ночевали мы по-прежнему под открытым небом, благо погода стояла сухая.

На третий день луга сменились сосновым лесом, а дорога заросла так, что больше напоминала тропинку.

- Редко тут ходят.

- Не бойтесь, я не дам вас в обиду.

Бояться? Я пожала плечами и следом за проводником шагнула под зеленые своды.

Шли долго. Вечернее солнце успело вызолотить стволы сосен там, где пробилось сквозь хвою, когда Лойз остановился.

– Пришли.

Я огляделась. Обычный сосновый лес. Разве что деревья вокруг словно скручены неведомой силой. Причудливо сплетенные ветки, завязанные узлами стволы.

– Вон там, – Лойз указал на белеющее в папоротниках пятно.

Я сунулась было посмотреть, но между деревьев появились люди и властный голос возвестил:

– Именем Короля! Вы арестованы.

Лойз толкнул меня за спину:

– Бегите!

Врагов много, одному придется трудно. Но Лойз хорошо владеет мечом, он выигрывает время. И я не стала ждать, чем все закончится – испуганным зайцем метнулась за деревья, в густой папоротник.

Корням сосен было тесно под землей, и они вылезли на поверхность твердыми канатами, мешая бежать. Ноги по щиколотку проваливались в толстый слой опавшей хвои, и каждый шаг мог оказаться последним.

Смятый папоротник за спиной выдавал мой путь. Я резко свернула, выбежала из зарослей туда, где под деревьями росла низкая трава и остановилась. Просто мчаться вперед, не разбирая дороги толку мало. Надо подумать. У стражи нет собак! По крайней мере, лая не слышно. На дерево влезть?

Несколько сосен показались мне подходящими. Я выбрала ту, у которой густые ветки. Снизу трудно будет рассмотреть, что происходит в их переплетении. Вскарabalась наверх и надежно устроилась, обхватив руками шершавый ствол. Лезть было тяжело, но тело помнило, как в детстве мы с братом резвились в родительском парке. Не лазили только на старый дуб...

Огромное, в три обхвата дерево засохло, но отец запретил садовникам срубить его. Дуб стоит среди буйной зелени, страшный в своей наготе, с громадным, давно покинутым вороньим гнездом в узловатых ветвях. Мы стараемся играть подальше, сами себе не признаваясь в страхе перед мертвым чудищем.

И только один-единственный раз этот ужас отступает.

Мы спорим. Я предлагаю пробраться на конюшню и покататься на отцовском боевом коне. Брат колеблется. Подобные проделки жестоко караются, для верховых прогулок у нас есть собственные пони. Но то пони...

Заканчивается спор как обычно, обвинением в трусости, и уязвленный братишка, чтобы доказать обратное, клянется снять с дуба воронье гнездо. Ночью.

К вечеру моя смелость улетучивается. Я пытаюсь отговорить Кэма, но упрямец намекает, что трус в нашей семье точно не он, и лезет в окно.

Я следую за ним.

Снаружи стены замка обвивают плети дикого винограда. Для нас – почти лестница. Осторожно, стараясь не шуметь, мы спускаемся и ныряем в заросли жасмина. Маме нравятся его душистые цветы, и кусты растут повсюду.

У подножия дуба я еще раз пытаюсь отговорить брата. Но он усмехается и лезет, цепляясь за трещины в коре.

Темнота глотает худую фигурку, и когда сверху, с жутким треском обламывая ветки, падает что-то большое, я чуть не теряю сознание. А потом долго не решаюсь подойти к бесформенной куче.

Брат спускается медленно, чтобы не сломать шею из-за лишней спешки.

Мы стоим над гнездом, размышляя, что делать.

– Понесем домой?

– А где спрячем?

– За виноградом.

Между туго переплетенными плетями дикого винограда и стеной замка можно спрятать что угодно, и мы с жаром беремся за колючий шар.

Но гнездо неподъемное. После долгих попыток дотащить его до дома, закатываем добычу подальше в жасминовые кусты. Садовники знают, что в зарослях "логово" господских детей и стараются там не появляться.

Утром мы едва выдерживаем завтрак. Отец, видя наше нетерпение, ест нарочито медленно, задает вопросы и требует пространных ответов. Так он учит детей терпению и умению владеть собой. И только когда уносят последнее блюдо, встает, берет под руку матушку и удаляется из столовой, отпуская нас на все четыре стороны. Мы не медлим. Задыхаясь от бега, наперегонки ныряем в кусты и, в нетерпении мешая друг другу, тащим гнездо еще глубже, туда, где среди зеленых ветвей растянута промасленное полотно и лежат подушки от кресел. Здесь мы храним свои "сокровища": мутный осколок бутылочного стекла (сквозь него можно в яркий день смотреть на солнце), обломок железного меча, мешочек с красивыми разноцветными камешками...

Убежище просторно. Но добыча занимает его целиком. Для нас места почти не остается. Изогнувшись невыносимым образом, мы безуспешно заглядываем в гнездо. Наконец, Кэм решается.

Осторожно засовывает руку внутрь и замер. Воздух вокруг становится каким-то вязким, а звуки, которыми всегда наполнен сад, стихли. Казалось, само время остановилось. Мне сладкий ужас перехватывает дыхание.

Брат улыбается, и все возвращается: птички трели, шум ветра в ветвях... Я рассматриваю, что он достал: горсть бесцветных и темно-красных камешков на спутавшейся цепочке. Такие же лежат у матушки в шкатулке, и я уверена – это рубины и бриллианты.

Кэм отдает найденное:

– Подержи.

Потом он извлекает большой, с ладонь величиной, потемневший от времени серебряный медальон. Света в жасминовых зарослях хватает, чтобы разобрать чеканку. Рисунок, очень хорошо знакомый и мне, и брату – рука, сжимающая меч. Родовой герб Дома Орвов.

– Это не все, – следующей находкой стало грубое кольцо-печать. С тем же гербом.

– Еще что?

– Сейчас.

Кэм долго шарит в гнезде, а потом, для полной уверенности и потрошит его. Груда веточек усыпает землю, мы перебираем их все до одной, но ничего не находим.

Мы нарушаем заповедное правило Дома – возле кабинета отца вести себя тише мышей. Но в это раз он не отправляет нас за розгами, а удивленно наблюдает как мы, забыв о приличиях, подпрыгиваем от нетерпения и лопочем о гнезде, медальоне и рубинах.

– А ну, тихо! Кэм, говори ты.

Брат вдыхает, словно перед прыжком в воду, и рассказывает о находке. Правда, у него хватает ума умолчать, как гнездо оказалось на земле. Отец не одобряет подобные выходки, считая, что бесполезный риск для Наследника Дома недопустим.

В тот день шалость сходит нам с рук. Рубины с бриллиантами оказываются фамильной ценностью. Диадемой, пропавшей несколько поколений назад.

Кольцо и медальон тоже принадлежали нашей семье, герб развеивал все сомнения. Их отдают нам. Дешевое серебро, потеряем – не жалко.

Мы носим находки как знаки отличия, добытые в бою. А потом, в один из дождливых дней, когда особо делать было нечего, Кэм решает почистить свой перстень: за долгие годы он стал почти черным. Брат выпрашивает у кухарки порошок, которым та чистит столовое серебро и уходит в открытую галерею. Я обижаюсь (мне хочется играть в прятки), со всех сторон оглядываю свой медальон и решаю, что чернь выглядит благородно. И иду к себе – матушка постоянно выговаривает из-за заброшенной вышивки. А покрывало предназначено в приданное!

Но не успеваю я вдеть в иголку алый шелк, как дверь распахивается, хлопнув о стену, и в комнату врывается Кэм. От неожиданности я вскакиваю. Пяльцы с грохотом опрокидываются. Попытка поймать их заканчивается на полу у ног брата – подвели складки длинного платья.

– Кэм!

Я возмущена. По его милости я чуть не сломала пяльцы, разбила коленку, а он даже и не думает помочь встать!

– Да ладно тебе! Смотри! – он протягивает сложенные лодочкой руки.

– Что там?

В перемазанных влажным порошком ладонях лежит разделенный на две части перстень.

Печатка отделилась от ободка, открыв тайник. А в нем прятался крохотный ключик.

– Представляешь, чищу, надавил, а он возьми и ... Как ты думаешь, от чего это?

Я жутко завидую. Почему ему достается все самое интересное? Обиду лучше переживать в одиночестве, и я прикидываюсь очень занятой:

- Не знаю. Кэм, мне вышивать надо. Матушка ругается. Давай потом, а?

Он обижается. От возмущенного взгляда хочется залезть под стол. А потом приходится закрывать дверь - Кэм решил, что мне это больше надо.

Показываю ему в спину язык и принимаюсь приводить в порядок комнату.

Пяльцы целы, а вот размотавшиеся клубки шелка... Я не отличаюсь терпением, а уж распутывать тонкие нитки! Кэм прибежал, набезобразил, а сижу и исправляю - я! Мог бы и помочь.

Злость усилилась. Я отбрасываю клубок и достаю медальон. Овальная пластина в палец толщиной. Тяжелая. Я подношу украшение к уху и трясусь. Тишина.

Но перстень Кэма тоже казался целым! Что он там с ним сделал? Чистить начал?

Пачкаться не хочется, и я просто с силой тру медальон тряпицей, которую вышиваю уже третий месяц.

Ничего. Я кручу украшение в руках, пытаюсь понять его секрет. Безрезультатно. Кэм точно задерет нос и будет хвалиться своим кольцом, а мне нечем ответить! Бесплезная безделушка ударяется о каменную стену.

Я явственно слышу щелчок. Сломался? Теперь брат и вовсе заважничает!

Сдерживая рыдания, я осматриваю украшение. По краю, там, где прежде шли линии гербового щита, появилась щель. Слезы моментально высыхают, а сердце бьется громко-громко - медальоны так не ломаются.

Как бы открыть? Надо подцепить чем-то.

Роюсь в иголках. Выбираю самую толстую, засовываю в щёлочку и... Нет, не будет Кэм хвастаться! Потому что медальон превратился в шкатулку. А в ней лежит ключ.

Как же хочется помчаться к брату, похвалиться находкой. Но после ссоры сделать это без ущерба для собственной гордости невозможно. Поэтому я возвращаюсь к окну и отодвигаю подальше пальцы, чтобы не мешали как следует рассмотреть тайничок. Теперь осталось дожидаться подходящего случая.

Он представляется после обеда. За столом Кэм многозначительно теревит пальцами перстень. Он ему велик, и брат повесил печатку на шею. Я в ответ равнодушно пожимаю плечами и спокойно ем.

Отец заметил наши переглядки, но правила не нарушаются, и он решает, что разберемся сами. Чем мы и занимаемся, как только выходим из столовой.

– Ну, показывай ключик.

Кэм с гордым видом открывает перстень. Я хмыкаю:

– Подумаешь! У меня не хуже!

Брат ахает и выхватывает медальон, чтобы рассмотреть поближе. Тут же заключается мир, и мы вместе идем в сад обсудить находки.

Дом подвергается планомерному обыску. Замочные скважины, мало-мальски похожие на неё щели – ко всему примерялись ключи. Но с замками нам катастрофически не везет, и до конца лета мы про них забываем.

С осенью приходит ненастье. Оно быстро смывает яркие краски с деревьев, превращает разноцветные листья в сплошной грязно-коричневый ковер. В саду пахнет дождем и травяной гнилью. Гулять в постоянной промозглой мороси удовольствия не доставляет, и мы переносим игры в дом.

В комнатах сидеть скучно. И мы ищем приключений, бегая по всему замку, благо отец смотрит на такие забавы сквозь пальцы. Особенно мы любим кухню. И раз за разом бежим туда, приводя кухарку в ярость. Но что поделать – мясной пирог, спрятанный в буфете, выглядит так аппетитно!

Прятаться тоже весело. Мы ищем убежища, и натываемся на заваленную старыми вещами комнату в дальнем крыле замка. Она становится нашим

секретом, таким же, как берлога в жасминовых кустах.

Хлам кажется настоящим кладом, и немало времени мы проводим, разбирая "сокровища". А потом за серым от пыли занавесом натыкаемся на запертую дверь, и тут же примеряем наши ключи. Они слишком малы для замка, и надежда рассеивается.

Следующую неделю мы направляем усилия на открытие двери. Заливаем петли маслом, скважину насколько возможно очищаем от пыли и тоже смазываем.

Постепенно в комнате побывали все ключи замка, до которых мы добираемся. Они не подходят. Кэм предлагает стащить тяжелую связку у экономки, но это слишком опасно.

Всю осень мы проводим в тайной комнате, сочиняем невероятные истории о найденных там вещах, а заодно придумываем и прошлое нашим ключам.

Они... странные. Серебряные, с головками замысловатой формы. Мой – длиной с указательный палец и поперечной выемкой над простой бородкой.

У Кэма – маленький и изящный. Он и в кольцо-то помещается с трудом, хотя печатка поражает размером. И стержня почти нет.

– Может, это и не ключ вовсе?

– А что?

– Ну...украшение какое-нибудь. Или просто безделушка красивая.

– Безделушку бы так не прятали, – Брат обескуражен моими рассуждениями. – Наверное, он от шкатулки.

– Матушка свои не запирает.

– А может, в ней сокровище! Алмаз огромный, или важные документы!

– Документы?

Я не могу представить, что есть бумаги, которые хранят в запертых шкапулках. Но не спорю.

Вместо этого беру оба ключа и отхожу к канделябру – окон в комнате нет.

Зато нет и сквозняков, гуляющих вдоль пола. Правда, сидеть на голых камнях тоже холодно, но мы расстилаем древний выцветший гобелен. Приносим старые подушки с кресел. И шерстяную шаль. В получившемся уютном гнезде Кэм устраивает битвы между своими деревянными солдатами, а я выкладываю узоры из мелких вещичек: цветных шнурков, красивых камешков, обрывков цепочек... В этот раз добавляю перстень, медальон и ключи. Они никак не складываются в орнамент, я кручу их и так, и эдак, пока...

– Кэм!

Он меняет в канделябре сгоревшую свечу. Вздрагивает, роняет огарок и обжигается.

– Чего орешь?

– Смотри!

Маленький ключик лег поперек большого и плотно вошел в выемку, превратившись в бородку.

– Ого! – брат присвистнул, глядя на необычный ключ.

Интерес к запертой двери воскресает.

Она тяжелая. Общими усилиями с трудом сдвигаем её с места. И долго стоим, не смея сделать шаг в тихую темноту.

Первым решается Кэм:

- Мы только заглянем! Даже дверь оставим открытой.

Он тут приносит канделябр:

- Вот, каждому по свече. И пара про запас.

- Ты же сказал, не пойдём далеко!

- Конечно! Это на всякий случай. Ну, идем?

Отсюда, из уютно освещенной комнаты коридор кажется ужасным, а эхо, шепча окончания наших слов, нагоняет еще больше жути. Я замираю на пороге, но Кэм властно подталкивает в спину и выходит следом.

- Дверь не закрывай!

- Трусиха! - брат храбрится изо всех сил.

Шаги гулким эхом отражаются от каменных стен, и убегают в темноту, словно глашатаи, оповещая о нашем появлении. Пахнет сыростью. Я нерешительно оглядываюсь на открытую дверь. Брат усмехается, и я, сжав зубы, шагаю вперед. Пусть он и сам боится до дрожи в коленках, моего страха не увидит!

Но Кэм обгоняет меня и идет, высоко подняв свечу. И первый замечает факел, торчащий из железного кольца в стене.

Сухое просмоленное дерево занимается мгновенно. Пламя трепещет, пугая темноту. Идти становится веселее, тихое потрескивание огня развеивает страх.

Идем долго. Усталость заставляет меня придумывать достойные пути отступления. Но брат останавливается сам:

- Ничего не замечаешь? Тут уклон!

Я пугаюсь. И так стены давят, мешают вздохнуть полной грудью. Куда уж глубже? Но Кэм наотрез отказывается возвращаться:

- Тебе не интересно? Ну, и иди назад. А я - дальше. Вон, бери факел, - в стене вкручен очередной держатель.

Уходить в одиночестве страшно. И покорно плетусь следом. На мое счастье вскоре пол выравнивается, а потом и вовсе идет вверх. Кэм разочарован, а я смеюсь. Не хочу под землю! Вместе со мной пляшет и пламя факела. Брат оглядывается:

- Тут приток воздуха. Кажется, пришли!

Но впереди нас ждет тупик - дверь, обитая железом. Мы долго возимся с ключом, тщетно стараясь открыть замок. А брат наотрез отказывается возвращаться, не узнав, что же там, за дверью.

В отчаянии я готовлюсь прибегнуть к последнему, безотказному способу - разреветься. Но не успеваю - Кэм сует мне в руки факел, разъединяет ключи и, перевернув меньший, снова вставляет его в стержень.

Я ахаю. Так просто!

Тихий скрип подтверждает, что все сделано правильно. Навалившись на дверь, мы, преодолевая сопротивление ржавых петель.

Голые ветки колючих кустов, мокрые от дождя. Коридор провел нас под деревней и рекой, и вывел на опушку леса. Кэм разочарованно оглядывается и закрывает дверь.

- Пойдем. Нас, наверно, уже потеряли.

Теперь узкий туннель не кажется страшным. Он - часть дома и наша тайна.

Конечно, найти спрятанную и утерянную сокровищницу куда интереснее, но... я уверена, об этом туннеле не знает даже отец! И, прежде чем закрыть заветную дверь и разъединить ключи, мы клянемся молчать. И не пользоваться коридором, пока не придет настоящая нужда.

Ветер пролетел между деревьями, качнув ветки. Воздух сгустился, словно настоявшиеся сливки и в тот же миг смолкли птицы. Стало тихо-тихо, так, что шорох от упавшей шишки прогремел грозным раскатом. Тишина означала одно – там, откуда я убежала, царилась смерть.

Но, похоже, Лойз оказался сильнее, чем я думала – меня не преследовали. Или стража довольствовалась наемником, решив, что я не достойна их внимания. В любом случае, вернуться туда было необходимо. Лойз уверял – холм подскажет мне правильные ходы. Я очень хотела в это верить.

Ветер доложил – врагов возле белого камня не было. Я прошла между телами. Меч Лойзе оказался слишком быстр, и на мою долю ничего уже не осталось. Ни малейшей ниточки, чтобы зацепиться и наполнить пустоту, засевшую глубоко внутри. Разве что воспользоваться помощью самого наемника.

Лойз еще дышал. Я оттащила его подальше от свалки тел, прислонила спиной к стволу дерева. Сняла с пояса фляжку, брызнула в лицо водой.

Он открыл глаза. Взгляд долго блуждал, пока не остановился на мне. В глубине проступило узнавание. С потрескавшихся губ сорвался хрип:

– Помоги!

Разумеется, я выполню просьбу. Но по-своему. У тебя достаточно сил, чтобы продержаться какое-то время. Если я сейчас отправлюсь в деревню за людьми, ты выживешь. И вернешься к жене и дочери.

Твоя беда в том, что я не стану этого делать.

Умение Лойза в этот раз спасло жизнь мне, но убило его. Все могло случиться по-другому, оставь он в живых хоть одного нападавшего. У меня хватило бы сил привести помощь. А теперь Голод требовала наполнить бездонное нутро, и я подчинилась. Наклонилась над Лойзом, прямо к губам и прошептала, смешав свое дыхание с его:

– Извини.

Он понял, когда увеличившиеся клыки вонзились в шею, туда, где уже затухал пульс.

Боль. Темнота. Страх. И – яркий свет. Ласковые руки и знакомый, успокаивающий стук рядом. Так бьется материнское сердце. Нежность окутывает легкой дымкой, становится хорошо и спокойно.

Вкус пыли и крови на губах. Я подтягиваю колени к груди, прячу голову от сыплющихся со всех сторон ударов. Смех, оскорбления и яростный крик. И – тишина. Я с трудом открываю заплывший глаз – они уходят. Сын кузнеца с приятелями. И – Эйле. Моя мечта, моя первая любовь. Она слушает моего обидчика и смеется. Надо мной смеется! Обила и злость заглушают боль, а на зубах хрустит песок, когда я пытаюсь сдержать слезы.

Кровоточат разбитые губы, плечи и бока ноют от полученных ударов. Но это не важно. Яркий, слепящий поток ликования топит в себе боль, заглушают вкус крови на губах. Победа! Первая, выстраданная, вырванная уже волей, а не силой... Лорд Дахо благосклонно кивает мне и с этого момента я зачислен в гарнизон его замка. Если хорошо себя покажу на службе, перейду в личную охрану. А там... От открывшихся перспектив кружится голова.

Река не торопиться, и луна купается в тягучих водах. Инле склонилась мне на плечо, и жаркое дыхание ласкает шею. Пьянящее, как ветер, что гуляет между виноградных лоз Арнетира.

Тени, покорные воле костра, танцуют на её чуть влажных губах. Она проводит по ним пальцем, и я схожу с ума от этого простого, казалось бы жеста. И наклоняюсь к её лицу, в надежде сорвать поцелуй.

Но она не позволяет. Прижимает к моим губам ладонь. Я целую её. Каждый ноготок. Каждый ускользающий от моего жадного рта пальчик. А потом Инле вдруг замирает и тянется ко мне. Сама.

Поцелуй, терпкий, как молодое вино. Хочется еще, но любимая в смущении отстраняется. А потом, решившись, обхватывает мочку моего уха губами. Я задыхаюсь в те несколько секунд, что она теребит её зубками и быстрым

язычком. Терпеть больше нет сил и я приникаю к её рту. Срываю с губ поцелуи, как виноградные ягоды с грозди, и все не могу насытиться.

А потом мир взрывается. Мы лежим на расстеленном плаще, и звездная река несет нас вдаль, бережно баюкая в сияющих волнах.

Радость. Ликующая, светлая. Хочется бежать, кричать, обнять весь мир! Я что-то кричу, смеюсь, вижу вокруг улыбающиеся лица... У меня родилась дочь! Повитуха осторожно кладет мне на руки орущий сверток, и нет музыки слаще, чем этот детский крик...

Страх. Ужас. Жизнь уходит капля за каплей, но вместе с кровью я теряю что-то очень важное. То, без чего...

Я выпрямилась. Вытерла губы и долго смотрела на испачканную красным ладонь. Лойз мертв, и пустота внутри поворочалась, и заснула. Я не знаю, сколько у меня времени и терять его не намерена.

Белое пятно оказалось высоким камнем, спрятавшимся в темной зелени папоротника. Я провела рукой по шершавой поверхности. Острые сколы оцарапали пальцы. Закрываю глаза, прислушиваюсь, ищу паутинки нитей. Ничего. Вроде как обычный камень. Но мой Замок выстроен из точно такого же.

Рядом притулился еще булыжник. Поменьше. Углубления в его боках забились землей, и каменоломка выросла в узкие щели. Светлая зелень, усыпанная красновато-фиолетовыми цветками по-хозяйски прильнула к каменному боку. Красиво! Но любоваться некогда.

За полчаса я нашла восемь камней. Часть из них надежно скрыл под буро-зелеными разводами мох. Я очистила небольшие кусочки, чтобы дотронуться, прислушаться, положив ладони на прохладные бока.

Ответом была тишина.

Неужели Лойз ошибся? Нет, не он – я. С чего я решила, что Проклятый Холм – непременно заброшенный Замок? Но надежда еще теплилась и, подойдя к

самому большому камню, я оцарапала ладонь об острый выступ. Пористая поверхность жадно впитала кровь.

Сначала нет ничего. Потом – шепот. Подобный утреннему бризу, робкий, словно первый поцелуй. И слабый, как умирающий младенец. Нельзя дать ему утихнуть, развеяться, затеряться в шуме леса. И я отдаю камню все, что накопила за эти дни: и охотника, и Лойза. Их радости и горести. Их смех, слезы. Их жизнь и их смерть. До донышка, досуха, так, что пустота снова напоминает о себе, требуя наполнить бездну.

Обмен оказался неравный. Я отдала все, а взамен не получила почти ничего. Только память. Знание о Замке, что много лет назад и вправду стоял на этом холме. И о том, как он умер.

Обнимаю мертвый камень, пытаюсь нащупать связь погибшего Замка с другим, тем, что высится в Орлиных Горах. Мне не выжить без него, но и я ему нужна также сильно. Таков Договор. Я не могу нарушить его. В роду Орвов нет клятвопреступников!

Мысль, что может быть, уже поздно, и на месте Замка-на-Скале лежит груда вот таких же мертвых камней, я отогнала. Нельзя так думать! Нужно как можно скорей возвращаться домой. И, стряхнув со штанов прилипшие сосновые иголки, я пошла обыскивать мертвых.

Окровавленную одежду оставила владельцам. Не нужна. А вот кошельки пригодятся. Нашлись в них и медные монетки, и серебряные, и даже несколько золотых. Лойз зашил деньги в пояс. Я нацепила его на себя, под одежду. Он тяжелым кольцом обхватил бедра. Считать, сколько там чего, не стала. Если доберусь до Замка, свадьбе дочери наемника позавидуют Лорды. Это я Лойзу должна.

Нападавшие, скорее всего, оставили котомки с лошадьми, в лесу. Найти и посмотреть, какие трофеи еще мне достались? Опасно. Вряд ли коней оставили одних. Значит, буду довольствоваться тем, что есть в переметных сумах нашей лошадки.

Она заволновалась и попыталась укусить, когда я стала расстегивать подпругу. Получила шлепок по мягкому носу и успокоилась. Только дрожала и

постанывала, пока я снимала седло и уздечку. Почувствовав свободу, лошадь завизжала и, ударив воздух задними ногами, рванула прочь, прямо сквозь кусты. А я быстро обыскала сумки. Нужно оставить только самое необходимое!

Полог у меня есть. А вот теплый плащ пригодится. Еда. Сверток с сухарями, вяленое мясо, кремь, трут. Я вспомнила про нож, с которым Лойз не расставался ни днем, ни ночью. Вернулась к телам, забрала трофей. Заодно сняла с поясов стражников несколько кинжалов. Тех, что можно метнуть при желании. Тяжелые мечи мне ни к чему, их я оставила владельцам.

Уложив все в свой мешок, еще раз оглядела Холм. Наверное, красивый Замок тут стоял! Но знания о том, как он умер, настроения не прибавили, и я покинула нехорошее место.

Возвращалась по той же дороге. Лойз говорил, ближайший отсюда торговый город – Гвимер. Там шанс найти проводника больше, чем в деревнях. Да и затеряться легче. Отряд убитых стражников найдут быстро. Лойз частенько заходил в трактиры пообедать или просто пополнить запасы. Его могли запомнить. А значит, и меня. Так что соваться в деревни опасно. Лес послужит мне надежной защитой, если только сразу собак по следу не пустят.

На этот случай нужно принять меры.

– Это дикий чеснок, – егерь крутит в руках резко пахнущую травинку. – Нельзя, чтобы он попал в пищу собаке. Да-да, знаю, псари часто используют его при некоторых болезнях. Но чутье такое лечение может напрочь отбить.

Мы с Кэмом внимательно слушаем. Рассказы Фадо всегда интересны!

– Знаете, как сбить собаку со следа?

– Чесноком накормить?

– Нет. Выкопайте луковицы, и хорошенько натрите подметки. Можно еще след перцем присыпать, правда, выйдет слишком дорого.

Мы с братом переглядываемся. Перец хранится в кладовке, под замком. Но разве это причина? Когда пропажа обнаруживается, нам сильно влетает. Хорошо, отец не узнал, как именно мы использовали драгоценную пряность – Гвидо, его любимый волкодав, так забавно чихал!

Перца в лесу нет. Дикого чеснока – тоже. А вот несколько куртинок черемши я нашла. И тщательно натерла пахучим растением и подметки, и сами сапоги. Шла, стараясь не касаться руками деревьев. Тяжело, приходилось обходить торчащие ветки, но позволить себя поймать я не могла!

Иногда встречались ручьи. Я перебиралась вброд, держась подальше от мостов. Путь это сильно удлинило, зато можно было не бояться ищеек.

Костров я не разводила. Пила воду, жевала вяленое мясо, заедая диким луком и молодыми побегами папоротника. Иногда выковыривала личинок из трухлявых пней. Силки, которые я ставила на ночь, оставались пустыми. Ловить рыбу времени не было. Я шла вперед, держась подальше от трактов, но и не отходя дальше, чем нужно.

Примерно через неделю показали стены Гвимера.

Город вытянулся вдоль большого озера. Лойз называл его Кааль. Я же надеялась найти корабль, который доставит меня если не в Ассалию, то хотя бы до Языка. О том, что буду делать дальше, пока решила подумать после.

Стражники у ворот получили свою монетку, и я вошла в город. Его размеры впечатляли!

На широких улицах могли легко разминуться парадные кареты. По обеим сторонам, отделенные забитыми сточными канавами, тянулись грязные тротуары. Из окон свисали яркие ткани, и почти над каждым входом красовалась цеховая эмблема. Я подумала, и выбрала улицу, дома которой украшали изображения ножниц. Пора сменить вонючую, пропыленную одежду на что-то более удобное.

Новый наряд состоял из некрашеной льняной рубахи и темно-синего платья на шнуровке по бокам и на рукавах. Второе – коричневое и смена белья отправились в мешок. Я взвесила его в руке. Еще немного, и не смогу поднять. Надо ограничить аппетиты. Но кое-что подкупить придется.

Следуя за вывесками, нашла лавку сапожника. Пара кожаных сапог с мягким голенищем обошлась дороже остального наряда, но путь предстоял дальний, ноги следовало поберечь.

Переобувшись, я задумалась. Нужно было подыскать жилье, тем более, что теперь я могла позволить себе отдельную комнату и даже мытье. Но Лойза, который, казалось, знал все гостиницы страны, больше не было.

Пришлось искать самой.

Я бродила по улицам, вертела головой и запоминала.

В этом конце живут в основном портные, в том – пекари, а там обосновались ювелиры...

В рыбацкий квартал я не пошла. Он тянулся вдоль берега, и ветер приносил ароматы гниющих рыбьих внутренностей, прогорклого жира и смолы. Чайки орала так, что уши закладывало. Вряд ли там найдется приличное жилье.

От вывесок пестрело в глазах – сапоги, виноградные гроздья, ножницы и кренделя всех размеров и цветов зазывали прохожих зайти в лавки. Я же искала сигнальный рожок.

Больше всего их было у ворот. Отрада путникам, уставшим от долгой дороги. Но и народу там обычно немало. Мне же хотелось тишины, и я направилась вглубь города. Правда не в самое его сердце, где сосредоточились самые дорогие лавки и дома знати.

Внимание привлек золоченый рожок, увитый плющом. Стены дома сверкали свежей побелкой, из окон свисали покрывала с гербами. Видно, приличная гостиница, если тут знать останавливается.

Но прежде, чем толкнуть тяжелую дверь, я задумалась. Как спросить комнату? За несколько дней путешествия с Лойзом знания языка у меня не прибавилось. Первой мыслью было развернуться и уйти, переночевав в поле. Останавливало желание выпасться по человечески и как следует отмыться. Полоскания в реке меня больше не устраивало. Да и во встрече с Веселыми Братьями, которые поджидают на ночных улицах одиноких женщин, приятно мало.

Но, рассудив, что Гвимер – торговый город, я решилась. Кто-нибудь да знает речь Вейфара или Сугура. Надо только раскрыть уши и слушать.

Я нашла свободное место за длинным столом и поманила служанку. Та что-то спросила. Я ткнула пальцев в сторону мужчины, перед которым стояло блюдо с жареным каплуном, и указала на кувшин недалеко от меня. Судя по сильному хлебному запаху в нем плескался квас.

Но сколько я не вслушивалась в окружающую какофонию, не услышала ни одного знакомого слова. С ночлегом ладно, сумею договориться, а вот дальнейшее... Надо постараться!

Как только служанка принесла еду, я обратилась к ней на ассалийском:

– Ты меня понимаешь?

Девушка сделала большие глаза.

– Сугур? Вейфарт? – я произносила названия так, как это делают уроженцы стран.

Служанка качала головой. Потом лицо озарилось улыбкой и она быстро-быстро закивала. На меня обрушился ливень непонятных слов, и девушка убежала. Я посмотрел а ей вслед и решила перекусить, раз уж ничего не вышло. Но едва я успела отломить от каплуна покрытую золотистой корочкой ножку, служанка вернулась в сопровождении дородного мужчины.

– Здрaвы будьте. Бээт сказала, что вы чего-то хотите, а она не понимает!

Слова сугурского языка прозвучали музыкой. И пусть говорил мужчина с диким акцентом, это было неважно.

- Мне нужна комната на несколько дней, завтрак, обед и ужин.

- Серебряный асан в день, сударыня.

Лойз платил куда меньше. Но и трактиры с этой гостиницей не сравнить.

- Еда входит в цену?

Мужчина помедлил, потом все-таки согласился:

- Разумеется. Деньги - вперед.

Я заплатила за три дня. Бээт, выслушав хозяина, кивнула и жестом поманила к лестнице. Но прежде, чем идти, я попросила:

- Горячая вода и мыло найдутся?

Комнату мне отвели на третьем этаже. Бээт открыла окно, впуская свет и уличный шум, и оставила меня с ними наедине. Я огляделась. Тесно, но чисто. Беленые стены, большая кровать под плотным балдахином, табуретка с тощей подушкой на сиденье и сундук.

Не успела я разобрать вещи, как в дверь постучали. Двое дюжих мужчин втащили большую лохань и натаскали кипятка. Служанка принесла серый брусок мыла и разведенный в воде щелок. Пахли они отвратительно. Дома я использовала тонкую голубую глину с островов, или драгоценную пенящуюся смесь, нежно пахнущую вербеной. Воспоминания вызвали сильное желание немедленно пойти в лавку и купить привычное средство для мытья. Но я загнала его в самый угол сознания: сейчас старые привычки - излишество.

Я едва дождалась, когда за прислугой закроется дверь. Кипяток обжег кожу, но через несколько минут блаженная истома наполнила тело. Я расслабилась, позволяя воде смыть усталость и напряжение последних недель.

Постепенно веки отяжелели, дремота, смешавшись с паром, заставила меня зевать. Надо было мыться и вылезать из бадьи, но усталость сковывала движения. Я встряхнулась – нельзя расслабляться. Тут нет штата служанок, как в Замке, все надо делать самой.

Волосы промыла щелоком. Несколько раз намылила тело. Смыла пену чистой водой из ведра и, закутавшись в льняную ткань, перебралась на кровать. Усталость взяла своё – я еще смогла натянуть рубашку и провалилась в сон.

Шепот служанок проник сквозь плотную парчу балдахина. Болтушки! Так хочу спать, а они кудахчут, словно несущки. Но разговор столь интересен, что наказание не в меру расшумевшейся челяди откладывается.

– Прямо пропадают?

– Да. Неладно дело с этим трактиром, вот увидишь! Говорят, и отец его тем же промылял. А почему тогда так быстро разбогател?

Чтобы лучше слышать, я поворачиваюсь, задевая балдахин. Вышитый бархат шевелится, заставляя горничных испуганно умолкнуть.

– О чем вы там? Что с трактиром неладно? – я сама отодвигаю тяжелую ткань.

Девушки приседают в поклоне. Лимаре перехватывает и закрепляет полог, Аира торопливо откидывает одеяло, помогая мне встать. И обе прячут глаза.

– Я жду! О каком трактире вы говорили?

– О том, что возле Утола. На Королевской дороге. Люди говорят – не все там ладно. Путники пропадают.

– Разбойники завелись?

Новость заставляет пересмотреть планы. Этот участок тракта проходит по землям Орвов, и никто не смеет там хозяйничать!

– Может, и так. Только поговаривают, что и хозяин руку приложил.

Вот это уже интересно. Если в непонятных исчезновениях людей обвиняют трактирщика, значит, и вправду – причастен. До сих пор обычно другой человек виноват бывал.

– Хорошо. Я проверю. А теперь – одеваться!

Завтрак подают в кабинет. За едой я просматриваю письма. Отец сообщил, что уезжает в столицу, король требует его ко двору. Кэм остается присматривать за землями Дома. И предупредил, чтобы я была настороже – соседи в последнее время как-то недружелюбны.

Решаю не беспокоить брата слухами. Я сама – дочь Лорда. Все равно делать нечего, только бродить по Замку, да читать старинные фолианты в библиотеке.

После завтрака запираюсь в спальне и велю не беспокоить. Этот приказ всегда выполняют охотно и неукоснительно.

Вечером я уже на Королевском тракте. Никто, кроме родственников, не признал бы во мне леди Уллу. Беленая рубашка из тонкого льна. Серое платье с синей вышивкой перехвачено плетеным кожаным ремешком. Яркая косынка покрывает голову, защищая волосы от дорожной пыли. Крестьянка, что выбралась из дома по делам. Такое случается, только вот в одиночку женщины редко путешествуют. Сейчас я – хорошая приманка.

В сумерках поднимаюсь в отведенную мне комнату, служанка приносит светильник. Огонек трепещется, почти не давая света, зато копотит – хоть чернила делай. И запах. Гарь хорошо маскирует аромат ночной катилии. Где трактирщик это масло в таком количестве достал? Этот цветок не живет в нашей местности, разве что в оранжереях Лордов. Он очень красив, но ценят его совсем за другое. Масло, приготовленное из луковиц этого растения, обладает тонким ароматом, а в придачу – дурманит не на шутку. Рассказывали, как Лорд Дома-на-Озерах устроил пир, а вместо свечей зажег лампы с этим маслом. О видениях гостей до сих пор легенды ходят, а об их поведении стараются забыть. Ну, или хотя бы не вспоминать в приличном обществе.

И вот теперь у меня в комнате горит светильник с дурманящей дрянью. Недешевое удовольствие, если сжигать его полностью, но жертва должна потерять сознание в течение получаса. Меня дурман не берет, и я думаю, как поступить: разорить трактирщика, позволив всему маслу выгореть, или притвориться спящей?

Решаю подыграть. Спать в чужой постели удовольствия мало.

Забираюсь под одеяло прямо в одежде, закрываю глаза и стараюсь дышать ровно, как подобает спящей. Ждать приходится недолго. Хорошо смазанная дверь приоткрывается, кто-то прислушался, и вошел. Трактирщик. Чтобы узнать его, мне не нужны глаза.

А он, убедившись, что я не проснулась, подходит к окну и аккуратно распахивает створки. Ночной воздух врывается в пропитанную дурманом комнату, загасив огонь.

Но трактирщик обходится без света. Он возится у окна, и я слышу, что гостей прибавилось.

– Осторожно!

– Да не проснется она – там масла на троих было.

Шаги приближаются. Кроме трактирщика я чую троих мужчин. Запах выдает их планы, и я решаюсь.

Открываю глаза, как только чужая рука касается лица. Слышу негромкое ругательство и жесткая ладонь зажимает мне рот. Он что, видит в темноте? Но ему это мало помогает. Никто не смеет грабить людей на нашей земле!

Раскрывать для них крылья – много чести. Хватит и когтей. Тот, что пытался запихнуть мне в рот кляп, отлетает в сторону. Пусть теперь распоротый живот затыкает. Если сумеет.

Ужас сгущается, затмевая мрак ночи. Трактирщик охает:

– Леди из Замка!

И падает ниц, не смея бежать. Его товарищи соображают медленнее. Мне хватает двух движений, и они оседают с подрезанными подколенными связками.

Теперь разбойники подождут, пока я смогу уделить им время. Сейчас меня занимает тот, первый, которому я живот вскрыла. Он кричит. А я смакую горькую на вкус боль, и сладковатый ужас смерти. Выпить его полностью не успеваю, слишком быстро уходит жизнь. Но за эти мгновения я беру все, что могу.

Шум привлекает внимание. Дверь с грохотом слетает с петель. В комнату вваливаются разбуженные криками слуги и постояльцы.

Я поворачиваюсь, когтем убирая с лица выпавшую из прически прядь.

Меня узнают. Склоняются, пряча глаза, но ужас скрыть не могут. Он пахнет мускусом и пылью. В носу становится щекотно и хочется чихнуть.

Чихающая от запаха челяди Леди Замка. Весело! Людей держит в повиновении страх, а смех всегда сильнее самого жуткого ужаса. И я подавляю желание. Медленно слизываю с испачканной руки застывающую кровь. Наслаждаясь солоноватым вкусом, провожу языком по губам, причмокиваю и приказываю:

– Этого – похоронить. На перекрестке, как велит обычай. Остальных – в Замок!

Подхожу к окну, не уточняя, поняли ли приказ. Ненадолго замираю, ожидая от людей действий. Один парнишка тут же подставляет табуретку. Сообразительный! Я заглядываю в его глаза, запоминая. Шустрые слуги всегда нужны.

Смутился? Это ново.

– Ты! – длинный коготь упирается парню в грудь. – Завтра явишься в Замок. Скажешь, я велела.

Вот теперь – страх. Липкий и потный. Я захватываю капельку. Возможно, Замку понравится. И шагаю с табуретки в окно.

Напоенная ароматом ночной фиалки и дурмана ночь окутывает прохладным покрывалом. Как хорошо после удушающей дневной жары, когда только толстые стены Замка спасают от разъяренного солнца. Густая пена облаков закрывает небо, и лишь темнота царит над землей. Ласковая, уютная. Ветер холодит лицо, тербит волосы и, кажется, что сама ночь несет меня на упругих крыльях.

Это немного напоминает скачку.

Конь мчится, не разбирая дороги. Глухо стучат копыта о твердую землю, из высокой травы то взлетает потревоженная перепелка, то порскает напуганный заяц. Ветер хлещет по щекам, дергает за распустившиеся волосы, рвется с плеч развевающийся плащ.

Откуда-то сбоку слышится ликующий вопль брата. И такой же крик вырывается из моей груди. Я захлебываюсь ветром, задыхаюсь от восторга и пришпориваю коня. Быстрее, быстрее! Я – ветер, я – птица, я – буря!

Я мечтала тогда о крыльях, глупая! Я взвилась бы под облака и ринулась вниз, чувствуя, как живот закручивает тугим узлом. А теперь, когда мечта исполнилась, нет желания играть в догонялки с совами. И я быстро, но аккуратно лечу к Замку. От ночи осталось меньше половины, а утром рано вставать.

Осторожный стук прогнал сон. Я резко села в постели, нащупывая кинжал. Испуганный возглас привел меня в чувство.

Посреди комнаты стояла Бээс и что-то мне говорила. Слуги уносили лохань. Как они вошли? Я оставила дверь открытой? Да, верно, даже не проверила, задвинут ли засов. Плохо.

Кивнула, успокаивая служанку, дождалась, пока все выйдут, и тихо подошла к двери. Замок казался надежным. На всякий случай подперла дверь табуретом. И плотнее закрыла ставни.

Ночь прошла спокойно. Сны больше не тревожили, только темная, душная пустота. Проснулась с гудящей головой. Соскочила с кровати и прежде, чем умыться, распахнула окно.

С третьего этажа хорошо видно небо. Еще густо-синее, не расставшееся с ночью. Солнце уже проснулось и начало рисовать. Высветлило темноту, зачернив облака, и обвело их золотом. Потом, добавив киновари, залило алым черепичные крыши. Медные шпили засверкали, салютуя дневному светилу.

Вода из глиняного кувшина смыла остатки сна. Я оделась, заплела волосы и спрятала их под платок. Неподобающий убор для незамужней. Но кто выпустит девушку одну из дома? Мужняя жена – другое дело.

В зале толпился народ. Постояльцы торопились позавтракать, прежде чем их засосет болото бесконечных забот. Купцы, странствующие подмастерья, наемники. Даже два рыцаря. Для них в уголке соорудили отдельный стол, положив на козлы широкую доску. Хозяин гостиницы сам прислуживал знатным господам, но оруженосцы то и дело оттесняли его, перехватывая блюда и гоня за очередным кувшином вина или пива. Сами рыцари редко прикладывались к кружкам, зато оруженосцы себе в этом удовольствии не отказывали.

Поняв, что хозяину некогда, я поискала местечко за длинным столом. Протиснулась между чавкающим толстяком и тощим жрецом. Интересная парочка. А если еще добавить к ней меня... Хорошая шутка получилась, жаль, оценить некому.

Все же соседство не слишком приятное. Толстяк ел по-свински, громко чавкал, роняя на грудь пережеванную еду. Я отвернулась. Жрец кислым видом жевал кусок черного хлеба и луковицу, запивая водой. Такое соседство у кого угодно аппетит перебьет. Кроме меня. После земляных червяков, склизко извивающихся на языке, мне уже ничего не страшно.

Бээс поставила передо мной тарелку. Я приступила к еде. Мясо хорошо жевалось, луковицы оказались в меру горькими, а хлеб – свежим. Завтрак удался.

Рыцари уже ушли. Хозяин освободился, и я обратилась к нему за советом:

– Скажите, уважаемый, как удобнее добраться до Исагера?

– Прежде почитай корабли каждый день уходили. Нынче – редко. Пираты бесчинствуют. Теперь мало желающих идти. Разве что прибыль большая будет. Но вы поищите в порту, может, кто из купцов и собирается.

– Благодарю.

Надо имя его узнать. А то все хозяином про себя кличу, нехорошо получается. Неприятно.

В комнате я еще раз пересмотрела вещи. Сняла пояс с золотом, чтобы убрать туда и серебро. В кошельке осталась медь и пара монет покрупнее, на случай, если платить за место придется уже сегодня.

Рукава верхнего платья оттянули ножи. Они хорошо убралась в кармашки, что обычно пришивают с изнанки. Кинжал повис на поясе, рядом с кошельком. Я высунулась в окно. Солнце успело разогреть воздух, плащ можно оставить.

Перед выходом постояла, обдумывая предстоящее, и решительно шагнула за порог.

Сегодня город не раздражал. Наверно, оттого, что я выспалась и хорошо поела. Захотелось прогуляться, потолкаться в толпе, побродить по лавочкам. Узнать как можно больше об этом мире. Но времени нет, нужно быстрее добраться до дома. И я пошла на запах рыбы и моря, в кварталы, которыми вчера пренебрегла.

Вскоре вонь стала невыносимой. Мне показалось, что отныне я всегда буду чувствовать только запах гниющей рыбы и нечистот – большая часть сточных канав несла содержимое сюда, на берег. И даже ветер, исправно дующий с озера, не в силах был развеять убийственные ароматы.

Чуть выше линии прибоя сохли растянутые между шестов сети. Рыбаки выбирали запутавшиеся в ячейх водоросли, чинили дыры. Дети постарше

помогали отцам, а младшие с визгом носились по мелководью, выскакивали на нагретый песок и прятались от солнца и приятелей под перевернутыми лодками.

Я прошла мимо. Рыбаки меня не интересовали. Чуть дальше, оцетинившись иглами мачт, прирос к берегу порт. Слишком крупный для речного. Но удивляться нечему. Кааль родилось из союза двух полноводных рек, Уруло и Гризо. Купцы быстро поняли свою выгоду.

Так на пологом берегу возник Гвеймор, речной город-порт, по мощи и важности равный морским, ибо именно тут встречались торговцы Мерката, Саймена и Сеона.

У высоких причалов корабли ожидали, когда их нутро наполнят товарами. Грузчики словно муравьи, монотонно тащили свои мешки и бочки, поднимались по сходням и, скинув груз, возвращались за новым.

Прямо под ногами, не глядя, куда бегут, сновали дети. Посыльные, сыновья, помогающие отцам, мелкие воришки. Я на всякий случай подвинула кошелек на поясе поближе к кинжалу. Пусть там совсем немного денег, лишаться их не хотелось.

Ржали тягловые лошади, мычали волю. Скоро, натянув постромки, они потянут суда вдоль берега. Бурлаки впрягались в лямки, готовясь довести баржу в назначенное место. Вокруг них бегал хорошо одетый человек, размахивая руками и крича. Судя по всему, ругался.

Знакомой речи не слышно. Наверное, стоит зайти в кабак. Там точно знают, какой корабль держит путь до Исагера. Но, оглядевшись, я не решилась войти в дом, украшенный грубо нарисованной виноградной гроздью. Слишком нехорошие крики раздавались из-за двери. Как только она открывалась, шум усиливался, и запах кислого вина и перегара перекрывал даже портовую вонь.

– Эй, красотка! – мир крутанулся перед глазами, когда чужая рука легла на талию. Рот, из которого несло сточной канавой, прижался к моим губам.

Дочерей Дома Орвов учат не только вышивать. Колено уверенно ткнулось в мягкий пах, и нахал согнулся, обеими руками схватившись за промежность. Зато меня отпустил.

Быстро оглядела дома и вывески. Перо в чернильнице. Наверное, подойдет. Главное, скорее, пока похотливая шваль не очухалась.

Пальцы уцепились за гладкую, отполированную сотнями ладоней ручку. Тяжелая дверь открылась, впуская в комнату, до отказа набитую людьми. Попав в помещение с улицы, я ослепла. Крохотные окна под потолком не мыли, наверное, со дня постройки. И не открывали тоже. Платье тут же прилипло к спине и голова закружилась от духоты.

Люди, в основном мужчины, не обращали на меня внимания. Я успела пройти сквозь толпу к молодому человеку у конторки до того, как следом ворвался обиженный моряк.

– Извините. Я хочу узнать, есть ли корабль до Исагера.

Он меня не понял. Но улыбнулся и, отыскав глазами кого-то в толпе, прокричал несколько слов.

И тут на меня налетел моряк. Волосы чуть не оторвались, когда он рванул за косу. Я уже видела летящий в лицо кулак, как пьяницу прижали к полу двое дюжих мужчин. Надавали тумачов и вывели из комнаты. А молодой человек развернул бурную деятельность.

Меня усадили, у губ оказалась чашка с водой. Она чуть отдавала тиной, но я выпила всю. Голова перестала кружиться, и я оглядела толпящихся вокруг людей. Купцы и клерки. Ну, или кто-то вроде. Старый Град говорил, что в порту найдется работа для каждого.

Один из них обратился ко мне на непонятном языке. Словно ворон прокаркал. Я покачала головой. Он спросил снова. В этот раз фразы были тягучие, как первый летний мед. И опять я не поняла. Мужчина не сдавался.

– Может, вы знаете речь благословенного Сугура?

Слова он произносил иначе, чем Лойз, но я понимала!

– Благодарю. Не стоит вспоминать все языки, которые вы знаете. Теперь я вас понимаю.

– Что вам угодно?

– Я зашла узнать, нет ли корабля, направляющегося в Исагер? Или, быть может, еще дальше, в Сугур?

Интересующиеся тут же заскучали и вернулись к своим делам. Рядом со мной остался только мужчина.

– Вы, видно, совсем недавно в нашей стране. Вейфарт и Сугур ведут войну с Сеоном. И на море тоже. Язык стал опасен для наших кораблей, и теперь мало кто решится в него сунуться.

– А может, найдется такой смельчак?

– До Исагера – возможно. Но не дальше, – мужчина слегка поклонился. – Прошу прощения, это все, чем я могу помочь.

– А если посмотреть записи? – серебряная монетка перекочевала в ладонь собеседника.

– Можно попытаться.

Вскоре в руках у меня оказался кусок пергамента, с четко написанными названиями кораблей и именами капитанов.

– Эти редко отказываются от пассажиров. Те, кто понимает сугурский, отмечены крестиком.

– Благодарю.

Не знаю, ожидал ли он еще чего, но за несколько строк серебра довольно. И – медной монетки мальчишке, согласившемуся довести до пристани.

Корабли. Гордое название для барж. Первые два капитана запросили цену, которая показалась чрезмерной. На третьей хозяина не оказалось, он гулял в кабаке перед отплытием. И только с владельцем четвертой удалось договориться. Каюта, еда и – никаких вопросов.

– Отплываем на рассвете, ждать не буду.

– Я приду.

Едва я вернулась в гостиницу, как в комнату поднялся хозяин.

– Вы не заплатили.

– Вчера. За три дня вперед.

Что же им всем так денег от меня хочется? Капитан потребовал плату авансом, а этот вообще готов по несколько раз на дню захаживать.

– Значит, завтра комната освободиться?

– Значит. А теперь будь добр, вели принести мне обед сюда. Да, время прошло, но ведь за еду я тоже заплатила. Или деньги вернешь? И насчет завтрашнего дня. Он тоже оплачен. Ты можешь вернуть оплату продуктами. Собери их в дорогу.

Расставаться со звонкими кругляшами хозяин не хотел. Я только успела ополоснуть руки и лицо, как Бээс принесла миску тушеного мяса с пряными травами, большой ломоть хлеба, зеленый лук и квас. Глиняная кружка запотела, видно, напиток только что вытащили из погреба.

Я жадно отпила половину. От ледяного кваса заломило зубы, и стало больно горлу. Не простудиться бы. Нельзя мне болеть. И я отставила кружку.

Мясо разварилось так, что кусочки распадались во рту от прикосновения языка. Травы придали блюду аромат, подливка, пропитав свежий хлеб, оказалась необычайно вкусной. Проглотив последний кусочек, я поняла, что переела. Ох, если бы другой голод можно было утолить так просто! Но заполнить пустоту,

которая тугим узлом свернулась в животе, я не могла.

Отставив миску, я вытянулась на кровати. Ноги свела легкая судорога. Немало пришлось побегать. Зато остаток дня, вечер и ночь – мои. Можно лежать и бездельничать. Я глубоко вздохнула. Пошевелила пальцами ног. В сотый раз оглядела комнату. Совсем недавно валялась, беспомощная, под деревом в лесу. А теперь – у меня есть деньги, крыша над головой, еда. Завтра утром я поднимусь на борт корабля, и расстояние между мной и домом сократится. Правда, в заливе опасно, пираты и армады воюющих стран не слишком разбирают, что за корабль пересекает воды, которые они считают своими. В крайнем случае, можно попробовать попасть домой по суше. Через Лиграс. Надо только перевалить Лунные горы...

Конец пути терялся далеко в будущем, но я не боялась. Самый свой сильный страх я пережила давным-давно...

В тот день нам с Кэмом исполнялось по десять лет. Согласно обычаю, отец устроил большой праздник. Приехали родственники, мои подружки и друзья родителей. Те, кто не смог, прислали поздравления. Даже Его Величество передал подарок и пожелание быть достойными отпрысками главы Дома.

Мы собираемся в большом зале. Простолюдины веселятся за пределами Замка. Отец велит накрыть столы прямо на поляне. Мне позволяют посмотреть издали, из окна отцовского кабинета. До слуха долетают смех и музыка, люди внизу бегают, танцуют и угощаются. Сквозь ворота замка то и дело выезжают телеги с новой снедью.

– Видишь? Они надолго запомнят этот день. А теперь пошли, не нужно заставлять гостей ждать.

Отец на руках выносит меня из комнаты. Его новый жилет пахнет яблоками и лилиями. Он сам собрал букет в саду, и нарвал первых, летних яблок. Рассыпчатых, моих любимых.

Я сижу справа от отца, Кэм – слева от матушки. И слушаем, как гости возносят здравницу нам, родителям, и всему Дому Орвов. Через несколько часов хочется убежать, скинуть жесткое парчовое платье, в котором так жарко, и, надев

льняную рубаху, умчаться в тенистый сад.

Но – нельзя. Сегодня мы с Кэмом стали почти взрослыми и у нас появились первые обязанности. Например, сидеть во главе стола и принимать гостей.

Гонец прибывает ближе к вечеру. Входит в зал. Собравшиеся замолкают, видя герб на черном дублете – серебряный замок. А отец тут же поднимается со своего места. Посланцы Гарда, хозяина Замка-на-Скале всегда принимаются безотлагательно.

Он привез письмо и подарок. Один. Для Кэма. Я растеряна, а отец, пробежав глазами послание, позволяет нам с братом покинуть зал.

Веселье переносится в сад. Мы играем в прятки, кормим карпов, которые приплывают на звон колокольчика и любуемся лилиями, что затянули поверхность пруда.

Вечером оставшиеся ночевать гости расходятся по комнатам. Но не мы с Кэмом. Гонец от Гарда – редкое и важное событие. А еще я очень обижена, на старика за отсутствие подарка. Кэм тоже злится и обещает отплатить при случае. Так что остаток вечера мы проводим в тайной комнате, жуя сладости и первые яблоки.

Утром служанки прячут от меня глаза. А няня жалобно смотрит и плачет. В последний раз я её такой видела на похоронах Лии, новорожденной сестренки. Она прожила всего три месяца, но оплакивали её гораздо дольше.

– Что случилось? Кто-то умер?

Няня качает головой и выходит из комнаты. Она выбежала бы, да возраст не позволяет. А горничные молчат. Только поспешно облачают меня в новый наряд.

– Я не хочу парчу! Где синее платье? То, с белыми васильками?

– Гости еще в замке, госпожа. Вам следует носить парадные одежды. Или вы хотите, чтобы поползли слухи о нищете и скупости Лорда? Скажут, что он не может одеть дочь как следует даже в день её десятилетия!

Подводить отца нельзя. Раз мой долг – носить колючий, негнувшийся наряд, я буду его носить. Только... скорее бы гости разъехались! Тогда можно будет снова бегать по всему Замку, прятаться в саду, купаться и ездить верхом на Звездочке. Звездочка! Сегодня же охота! Почему меня засветло не разбудили? Отец обещал, что я тоже поеду! Он всегда, всегда держит слово!

– А где охотничий наряд?

– Господин отменил охоту. И велел, чтобы вы сразу, как проснетесь, пришли к нему в кабинет.

Я холодею. До завтрака отец вызывает к себе, только если накануне мы сильно набедокурили. Но ведь вчера ни я, ни Кэм... Кэм! Он напроказил, а отвечать теперь мне!

Отец стоит у окна. И, кажется, не сразу меня замечает. А когда поворачивается, вижу красные глаза. Плакал? Мой несгибаемый, сильный Лорд? Гоню от себя страшную мысль. Слезы отца означают крушение мира. И я решаю, что это ветер бросил ему в лицо пригоршню пыли.

Присаживаюсь в реверансе и не могу промолчать:

– Отец, а... охота?

– Будет. Но не сегодня. Прости, пришлось отложить.

– Что-то случилось?

– Да, – он щелчком перебрасывает скрученный в трубочку пергамент с одного края стола на другой. – Случилось. Гард требует тебя в Замок.

– Если дяде Гарду угодно, я с удовольствием навещу его, – уважение к старику прививали нам с пеленок.

– Нет, дочь. Не в гости. Он хочет, чтобы ты стала Наследницей Замка-на-Скале.

Ноги подкосились от такого известия. Хороший подарочек в день рождения! Съездить к старику в гости – это одно, а поселиться в огромном Замке – совсем другое. Там даже слуги приходящие! Они ни за что не соглашаются остаться на ночь. Чуть темнеет – торопятся по домам. И село стоит далеко от стен. Иное дело – жилища наших людей. Тут они лепятся к замку, как ребенок к родителю.

– Я не хочу!

– Я тоже не горю желанием тебя отпускать. Но... – Отец подводит меня к гобелену, который закрывает почти всю стену. – Читай!

Мне не обязательно разглядывать вышитый герб, я знаю каждую линию, каждый завиток. И каждую букву.

– «Долг».

– Долг. Твой долг ехать в Замок и стать Наследницей. Мой же – отпустить без жалоб. А теперь иди к матушке, она хочет тебя видеть.

Отец садится за стол. Отныне я значу для него меньше, чем бумаги на зеленом сукне.

Матушка слез не стесняется. Подбегает, обнимает так, что дыхание сбивается. Но в кольце любимых рук очень уютно! И можно плакать и жаловаться, сколько угодно!

– Я не хочу в Замок!

– Знаю, милая, – матушка поправляет выбившуюся прядку волос и снова обнимает меня. – Мне тоже плохо даже от мысли, что ты будешь в том страшном месте. Одна, без нас...

Я прижимаюсь к ней изо всех сил. Под мягким голубым льном утреннего платья её плечо дрожит. Но ласковая ладонь, что гладит по голове, не сбивается ни на миг. Сегодня матушка не боится испортить мне прическу.

– Ты не хочешь, отец не хочет... Почему же я должна ехать?

– Это твой долг, – её голос спокоен, словно она в тысячный раз повторяет урок.

– Долг, долг... Что мне долг, если я уеду от тебя с отцом, Кэма... – злость рождается где-то глубоко-глубоко и, набрав мощь, вырывается наружу. – Я стану такой же угрюмой, как старик Гард, меня даже лошади бояться будут!

Голова дергается от звонкой пощечины. Но истерика прекращается. А матушка, словно испугавшись того, что сделала, вновь заливается слезами, лихорадочно покрывая поцелуями горящую щеку.

– Прости, прости, милая! Я не хотела! – Порыв проходит, и через мгновение на меня твердо смотрят серые, полные слез глаза. – Нельзя так говорить! Ты из Дома Орвов. Честь и Долг – все, что у нас есть. Замок рухнет, семья погибнет, и прах любимых сгниет в земле, но Долг заставит выжить и не даст безумию овладеть чувствами и сердцем. Этим мы и отличаемся от смердов, что ковыряются в грязи, боясь поднять глаза к небу. Ты поедешь в Замок. Станешь Наследницей. Ох, Улла, как бы я хотела, чтобы этого проклятого Договора не было!

В семье редко упоминают о Договоре. Его подписал Ортхех Орв, предок, и с тех пор наш род исправно отправляет своих детей в Замок-на-Скале. Теперь пришел мой черед.

Матушка не отпускает меня до завтрака, так что Кэм ждет напрасно. Встречаемся за столом. Брат сидит, нахохлившийся, как замерзший воробей. В мою сторону не смотрит. На родителей – тоже. Но я вижу – больше всего его раздражает отец. Любопытство ненадолго вытесняет страх. Что между ними происходит? И что я ему плохого сделала? Даже поздороваться нормально не желает, бурчит невнятно себе под нос и утыкается в тарелку. На его счастье, отцу все равно, доволен им сын, или нет. Он вообще редко интересуется нашими желаниями.

Зато меня сегодня окружают заботой. И отец, и матушка подкладывают на тарелку самые лакомые кусочки. Очень кстати – в моменты печали мне всегда есть хочется. Получив выволочку от родителей я обычно пробираюсь в кухню. Пряники, имбирное печенье или просто хлеб с куском ветчины помогают пережить обиду.

Жаркое из вепря в пиве с луком и перцем раскладывают в пшеничные краюхи. Я только начинаю есть, как матушка подкладывает мне кусочек запеченного каплуна с миндальной подливкой, а отец – кабаньей хвост в остром соусе.

Крылышко жареной в меду дрофы я беру сама, вместе с сырным пирогом. Но едва успеваю откусить, как подают рыбу, и матушка не может удержаться – приходится есть маринованного лосося, политого пряным соусом из обжаренного сельдерея. А потом мне позволяют попробовать вино! То самое, которое берегут для особых случаев и подают только почетным гостям. Тягучее, впитавшее в себя свет солнца и аромат роз, растущих вдоль виноградника, оно оказывается неожиданно крепким. Голова кружится, и я откидываюсь на спинку кресла, забыв, что леди так сидеть не пристойно.

Строгий взгляд матушки тут же выветрил хмель из головы. Я словно наяву слышу её поучение:

– У кресла спинки нет!

Выпрямилась. Лучше потерять сознание, чем вести себя неподобающе.

Но в следующее мгновение я забываю об этом решении. Музыканты играют быструю мелодию, и в зал вкатился, стоя на большом, ярко раскрашенном шаре, скоморох. Огибает собравшихся, попутно стащив с тарелки несколько яблок, и, не замедляя движения, начал ими жонглировать. При этом успеваешь откусывать то от одного, то от другого, пока в руках не остаются огрызки. Их он выкидывает за спину, на тростник, устилающий пол, и делает сальто.

Я охнула, но акробат приземляется точно на свой шар и продолжает движение. А навстречу ему бегут, подпрыгивая в такт музыке, товарищи. Между ними раскручивается красная веревка. Акробата она не смущает. Прыжок, второй... Гости криками выражают одобрение мастерству. А он, закончив выступление, соскакивает на пол и склоняет колени перед столом Лорда.

Отец улыбается. Ему понравилось, и он кидает шуту серебряную монету. Она сверкает, поймав солнечный луч, и скрывается в ладони. Акробат встает, кланяется на прощание, и... ободряюще подмигивает. Мне. К счастью, никто не замечает, иначе бы с парня кожу содрали за оскорбление дочери Лорда. А мне вдруг становится так легко и весело, что хочется смеяться. Пусть меня ждет

страшный Замок, это будет потом. Сегодня празднуют мое десятилетие, и никому не позволено омрачить праздник. Даже старику Гарду.

Музыканты умолкают. Слуги ставят в середине зала табурет для Анделея. Знаменитый менестрель чинно шествует к сиденью, явно наслаждаясь всеобщим восхищением. О его самолюбии ходят легенды, но за невероятно чарующий голос певцу прощается все.

Он усаживается важно, словно на престол. Не торопясь настраивает лютню. Струны томно стонут от прикосновения тонких пальцев. Убедившись, что инструмент откликается, как следует, Анделей прикрывает глаза и поет.

Зачем ему лютня? Он едва касается струн, извлекая тихие звуки. А они, на мой взгляд, только мешают, отвлекая от голоса, который манит за собой в чудесный мир. Там нет ни бед, ни боли, ни страданий. Подражая певцу, закрываю глаза, позволяя песне унести меня в волшебную стану.

Когда последний звук растворяется под сводами потолка, еще долго никто не смеет пошевелиться. Я даже дыхание задерживаю, боясь спугнуть эхо. А потом все словно проснулись. Шквал восхищенных криков, хлопки в ладоши, свист наполняют зал. Менестрель купается в восторгах, и не скрывает этого.

Пока гости обсуждают пение Анделея, слуги убирают грязную посуду. И вносят новые блюда.

На наш стол водружают большой поднос с жареным павлином. Хохолок птицы покрыт блестящей фольгой, а шею украшают две золотые цепочки. Одна, с крупными кольцами, предназначается Кэму. Вторая, более тонкой работы – мне.

Павлин – птица жесткая, и есть его особо никто не желает. Поэтому подают фазанов, украшенных собственными перьями, вареных кур, фаршированных виноградом и пироги. Самый большой ставят перед нами. Отец вручил мне и Кэму нож – один на двоих – и велит срезать верхушку. Наружу вырывается стайка жаворонков и с криком устремляется вверх, ища выход. Шутка вызывает смех, а вместо пирога с секретом подают другой, с голубятиной.

После устраивают танцы. Кэм приглашает меня, и мы впервые двигаемся по пиршественному залу наравне со взрослыми. И радуемся, что учитель без

жалости гонял нас, раз за разом заставляя повторять особо сложные фигуры. А когда, запыхавшись, возвращаемся к столу, в глазах отца мелькает что-то, похожее на гордость. Восторг поднимается высокой волной, заполняя всю меня от пяток до макушки. Я забываю все горести, и даже Замок-на-Скале кажется невзаправдашним, а существующим только в страшной сказке.

На десерт подают сыр, фрукты и выпечку. Я уже не могу впихнуть в себя ни крошки, но ради приличия отламываю кусочек имбирной коврижки. Ореховые пряники, финики в вине, груши в сиропе оставляют меня равнодушной. Как и тарелочки со специями, расставленные между огромными блюдами. Мужчины уделяют им куда больше внимания, чем сладостям. Щепотка имбиря, перца или мускатного ореха, положенная на язык, вызывает жажду. А её следует утолить, благо вина подали самые лучшие.

За окнами темнеет, но в зале этого не замечают – сотни свечей пылают в серебряных канделябрах, разгоняя мрак. Слуги хорошо знают работу – зажгли их быстро и вовремя. За столы гости теперь приходят только отдохнуть, а остальное время танцуют, поют или играют в буриме. Каждый занимается тем, что ему больше по нраву.

Пока матушка не приглашает выйти в парк.

На большую поляну выбегает артист, раскручивая над головой огненный шар. Веревки скрывает темнота и, кажется, пламя повинуетя мановению руки. Мужчина стоит некоторое время, а потом... Я ахаю и подаюсь вперед, чуть не свалившись с помоста. Огонь, неистовый, стремительный, оставляет оранжевые росчерки на темном пергаменте ночи. Шар вертится, меняет направление, скорость. Актера словно огненный вихрь подхватывает. А уж когда в его руках появляется вторая веревка! Мужчина прыгает, крутится, кувыркается, рисуя яркие вензеля прямо в воздухе. А под конец, приблизив шар ко рту, выдыхает пламя, на миг превращаясь в дракона из старых легенд.

Разве такое возможно? Я потрясена. Актер стоит под помостом, и грудь, покрытая потом, тяжело вздымается. Наверное, трудно быть драконом. Повинуясь внезапному порыву, я снимаю с шеи подарок и кидаю вниз, в придачу к кошельку, которым одаривает матушка. Слышу вздох брата, и вторая цепочка, слабо сверкнув в красноватом свете факелов, летит с помоста. Кэм не желает уступить мне ни в чем. Даже в щедрости. Но ведь это я придумала, так наградить акробата!

А он еще раз низко кланяется и, вскинув руки в прощальном приветствии, удаляется под восхищенный ропот гостей. А факелы разгораются все ярче...

Не факелы это были. Солнце, отразившись от шпилей и флюгеров, что в обилии усеивали крыши, запустило в комнату ворох бликов. Они меня и разбудили.

Сон – воспоминание. Почему приснился тот день? Наверное, потому что тогда тень Замка-на-Скале еще не нависла надо мной, а её краешек, который попытался омрачить радость, не воспринимался как нечто страшное. И, наверное, потому, что в те дни я в последний раз была счастлива.

Солнечный зайчик мазнул по виску, заставив зажмуриться. Я перекатилась на край кровати, встала и босиком подошла к окну. Сверкающие шпили действительно напомнили факелы, что в ту ночь освещали сад. Больше никогда я не испытывала такого восторга. Я вообще ничего не испытывала. Ни радости, ни страха, ни боли... Все было тогда в последний раз.

Прежде, чем закрыть ставни, я осмотрелась. Над городом полыхал кровавый закат. Алый, как кровь оленя на моих руках. Отец сдержал слово – охота состоялась.

Адала облачает меня в темно-зеленое платье с широкой юбкой, и принимается укладывать волосы. Осторожно, стараясь не дергать, расчесывает пряди. Я изнываю от нетерпения. Казалось, горничная нарочно делает все очень медленно.

– Скорее! Там, наверное, уже собрались!

– Без вас не уедут, – гребень неторопливо скользил по волосам. – И времени хватает.

– Ну, пожалуйста – быстрее!

Посмеиваясь над моим недовольством, Адала вплетает золотистую ленту и, повернув косы вверх, закрепляет концы на висках.

– Уже?

– Нет. Еще цветы.

Жду, пока два изящных букета из шелка и жемчуга украсят прическу.

– Теперь все. Удачной охоты, маленькая госпожа.

Она всегда называет меня так. Пора положить этому конец.

– Я уже взрослая. Мне – десять лет.

– Прощения просим, – сопроводив слова легким поклоном, Адала выходит.

Но почему мне кажется, что почтительным наклоном головы прячется улыбка?

Тороплюсь я зря. Охотники только-только начинают собираться. Грумы приводят коней. Гнедого Вихря, отцовского мерина, держат чуть в стороне. Хозяин дома сядет в седло последним.

А Кэм... Под братом гарцевал жеребец редкой красной масти. Огненный, как листья рябины осенью.

– Улла, смотри, кого мне отец подарил! Это Неутомимый!

– Если вы будете так его горячить, то ваш Неутомимый не доберется и до ближайшей рощи, – старший грум проводит рукой по взмокшей лошадиной шее.

Кэм смущается, но коня успокаивает.

– Улла! – отец оставляет друзей, и широкими шагами пересекает двор. – Для тебя у меня тоже есть подарок.

Тонконогая, стройная кобыла выплывает из ворот конюшни. Белоснежная шерсть сверкает на солнце, словно горные вершины зимой.

- Нравится?

- Да, - я выдыхаю, не в силах отвести глаз от такой красоты.

Лошадь не идет - танцует, едва касаясь земли точеными копытами. Глядя, как плавно она пересекает двор, я вспоминаю величественных птиц, давших название Орлиным горам.

- Как назовешь? - брат возвращает в реальность.

- Орлица. Отец, я и вправду... могу?

До этого дня мне запрещалось преследовать зверя наравне со взрослыми. Приходилось оставаться на поляне, вместе с дамами, не решившимися сесть в охотничье седло. В цветных шатрах накрывали столы, менестрели услаждали слух, а дети под присмотром грумов катались верхом, или затевали игры. И только Богам известно было, как я злилась. Хотя нет. Кэму тоже. Брата вполне разделял мои чувства, ожидая охотников. И даже веселый пир, начинавшийся с их возвращением, не мог погасить обиду.

Сегодня же отец сам сажает меня в седло. Подает повод, смотрит, как я разбираю кожаные полоски. Улыбается:

- Спокойно. Я - рядом. И помаши матери.

Матушка стоит возле распахнутого окна. Машет охотникам платком. Мне кажется, или белая ткань то и дело касается её глаз?

Думать об этом некогда. Отец вскакивает на Вихря, псари выводят рвущихся со сворок собак и мы выезжаем за ворота.

Лай, ржание, визг охотничьих рожков - я купаюсь в звуках. И - жду. Мое волнение передается Орлице, она дугой выгибает шею, грызет удила и просит скачки. Вперед, в лес, в поле, не разбирая дороги...

Но надо еще оставить на опушке дам, и я сдерживаю горящую лошадь. Не время. Не сейчас.

Дамы спешиваются и желают удачи. Нежные поцелуи, ахи, вздохи... Когда же это закончится? Я в нетерпении оглядываюсь. Отец разговаривает с двумя всадниками, я узнаю их. Егеря! И подъезжаю поближе.

Кэм уже все знает. Подлетает, сияющий, как начищенное медное блюдо. Волосы растрепались под маленькой шапочкой, щеки горят...

- Они выследили оленя! Взрослого быка! Вот увидишь, я буду первым.

- Конечно, ты же великий охотник... на мышей.

Я знаю, как смутить брата. Няня до полусмерти боится серых крох, а они возьми и облюбуй под гнездо сундук с шерстью для рукоделия. Вот визгу-то было! Ну, Кэм и взялся помочь. Притащил с кухни кошку. Но отъевшаяся на сливках и мясе киса совсем не желала охотиться. Тогда брат сплел силки, и сам переловил всех до единой. Няня несколько дней благодарила "спасителя", пока мне не надоело, и Кэм получил новое прозвище. И очень злился, когда его слышал.

- Ладно, хватит дуться. Скажи лучше, у меня волосы тоже растрепаны, а на носу грязное пятно?

- Нет, - Кэм смутился.

Снимает шапочку, приглаживает вихры. Красивее не становится. А брат, подумав еще немного, вытирает лицо платком.

- Чисто?

- Грязь только размазал. Давай, помогу, - я тянусь забрать платок.

Но наши лошади не желают видеть Кэма опрятным. Неутомимый фыркает и мотает головой. Орлица возмущается таким поведением и кусает его за холку. Наверное сильно, потому что рыжий с визгом взвизгивается на дыбы.

Мир сходит с ума. Небо, деревья, бегущие и кричащие люди закружились в неистовом танце. Пару раз перед глазами мелькают рассекающие воздух копыта, а потом все прекращается. Мужчины успевают вовремя. Отец сдергивает меня с седла, Кэм вырывается из рук грума.

Орлица дрожит. Пот покрывает её бока, с губ падает пена. Неутомимый выглядит не лучше.

– Вам нельзя на них ехать, – в голосе отца рокочет гнев. – Шей себе переломаете.

– Но отец!

– Возьмете других коней. Кэм, доверяю тебе Вихря. Улла, поедешь на Белоногом.

– Нет.

Что на меня находит? Я смотрю в глаза отцу, и отказываюсь подчиниться.

– Я поеду на Орлице. Или не поеду вовсе.

Сейчас он разозлится. А потом накажет. Спина заранее чешется в ожидании порки. Но какое-то непонятное упрямство мешает отвести глаза. И отец сдаётся!

– Хорошо. Только не ной, когда свалишься.

Я не верю своим ушам. Лорд, железной рукой управляющий землями, советник короля, уступает мне! Мне! Я не знаю, радоваться или переживать, наказание все равно будет, не сейчас, после... Но в этот момент я горжусь собой и не думаю о будущем.

– А я? – эх, зря Кэм встрял. – Я тоже хочу ехать на Неутомимом!

– Ты поедешь на Вихре. А если он тебя не устраивает, дом вон в той стороне.

Высказав все, что хотел, отец махнул рукой псарю:

– Пускай!

Собаки, получившие волю, живой рекой затопили лес. Кони рванули следом. Лай, звуки рожков, крики, ржание лошадей убивают тишину. Лесные жители со всех ног кидаются прочь. Но нас интересует только олень.

Он мечется между деревьями, взрослый бык с ветвистыми рогами. Пытается уйти от лучшей в округе своры.

Охотничий азарт завладевает мной. Орлица уверенно мчится, и, кажется под седлом – птица. Она легко оставляет позади завалы, и я постоянно вижу собак. Они не подводят. Гонят царственного красавца, пока у того хватает дыхания. А когда олень останавливается, чтобы дать последний бой, изо всех сил держат его на месте, ожидая охотников.

Мы окружили добычу. Оруженосец подал отцу дротик, но он улыбается и протягивает оружие Кэму:

– Бей!

И брат бьет. У него мало сил для последнего удара, и второе копьё вручают мне. А потом отец привычным движением добивает зверя.

– Никогда не позволяйте им мучиться. В этом – высшая доблесть охотника!

Пока псари подзывают собак, я спешиваюсь и иду к оленю. Какой он огромный! Как горяча его кровь!

В тот день мы добываем еще одного оленя и кабана. Пятерых гончих из своры перевязываем и отправляем на телегах в замок. Слишком дорогие собаки, чтобы дать им просто так подохнуть. Четырех псари закапывают в лесу.

А вечером снова пир, затянувшийся почти до утра. Я не выдерживаю, задремываю прямо за столом. Сквозь сон чувствую, как кто-то поднимает меня и куда-то несет. Потом слышу шёпот служанки, ловкие руки стягивают платье и обряжают в рубаху. Я нахожу силы приоткрыть глаза, и сквозь ресницы вижу, как горничная задувает свечу. Наступившая темнота убаюкивает, и сон

укутывает меня уютным одеялом ночных грез.

Теперь все по-другому. Сны не приходят просто так.

Я закрыла ставни, прогоняя из комнаты угасающий свет. Выгнать бы еще и воспоминания! Но они оказались сильнее и усталости, и теплого одеяла. Я проворочалась до утра, глядя в темноту.

На завтрак принесли сыр, хлеб и кислое молоко. Я перекусила, закинула за плечи котомку, спрятала под плащом арбалет и отправилась в порт.

Каюта, которую мне предоставили на "Красавице Исси" оказалась размером с собачью конуру. Я прикинула взглядом: четыре шага в длину, столько же – в ширину. Лечь, вытянувшись в полный рост не получится. И стоя выпрямиться нельзя. Зато в стене окошко! Отверстие в две ладони величиной почти на уровне моего носа. То есть – под самым потолком. Обстановка – свернутый матрас в углу.

Показывая хоромы, капитан предупредил:

– Едим из общего котла. Утром, и вечером, во время стоянки. Ночевать можете хоть здесь, хоть на берегу. Только смотрите, к отплытию не опоздайте. И еще – в каюте вы в безопасности, а на суше от меня никаких гарантий!

Я посмотрела на захлопнувшуюся дверь. Поверх грубо отесанных досок блестит массивная щеколда. Капитан не шутит.

Я уселась на матрас и стала ждать отплытия. В ближайшие несколько дней эта каморка станет для меня домом, но от шума снаружи не защитит. Кто-то топал, кричал, пару раз слышались знакомые слова. Те, которые дамам из благородных Домов вроде бы неизвестны. Что-то с грохотом упало, ударившись о стену, заставив затрещать доски. Я выглянула в окно. Палуба напоминала муравейник – все бегут, и каждый тащит груз. Налюбовавшись на суету, я вернулась в угол и просидела, пока пол и стены не вздрогнули.

Теперь сквозь окошко долетали только крики, скрип дерева, и обычные звуки портового утра. Мне стало интересно посмотреть на отплытие, и я вышла наружу.

Подобраться к борту оказалось нелегко. Тюки, бочки, огромные ящики стояли высокими рядами. Толстые канаты опутывали груз гигантской паутиной, и стоило судну качнуться, как все это начинало скрипеть и шататься. А еще палуба то и дело наклонялась, словно нарочно пытаясь свалить с ног.

Но до носа корабля я все же добралась. Облокотилась на планшир и огляделась.

Слева медленно проплывал просыпающийся город. Справа вздымала волны река. Суда мерно покачивались в такт её дыханию. Впереди, налегая на постромки, плелись бурлаки.

Кто-то тянул монотонную песню. Слов с палубы не разобрать, только мелодия вторила унылому завыванию ветра в снастях. Иногда, на особо трудных участках, певец повышал голос, остальные подхватывали, и чайки затихали, испугавшись дружного рыка идущих в упряжке людей.

Картина не менялась до вечера. Разве что бурлаки останавливались пару раз и, сбросив постромки, падали на песок. С баржи им передавали бурдюк, и уставшие люди жадно пили, а отдышавшись, снова поднимались и брались за ремни. И только к вечеру, когда уставшее солнце почти коснулось туманной полоски дальнего берега, рог протрубил ночную остановку.

Отдыхать бурлакам не пришлось. Едва баржа встала на якоря, они разделились. Часть отправилась за дровами, остальные стали разбивать лагерь. Много времени это не заняло: притащили с баржи большой котел, установили над старым кострищем.

Вскоре затрещал огонь, кашевар натаскал речной воды, и когда она закипела, засыпал крупу. Что еще он добавил в варево, я не представляла, но запах шел тошнотворный.

И все же это была еда. Я съела все, что плюхнули мне в миску, и вычистила остатки хлебом. Я должна жить, а для этого нужно есть. О том, чем буду утолять тот, другой голод, думать себе запретила. Сил сейчас только на ребенка

достанет, а с малыша толку – чуть. Да и нет тут детей.

Возвращаться и разворачивать кишасший блохами матрас не хотелось. И я устроилась в сторонке. Сухой песок неплохо заменил перину, шерсть плаща укрывала от ночной прохлады и сырого ветра с реки. Тепло, уютно. Высоко-высоко плыли облака. Сизые лохмотья на черном фоне. А в прорехах сияли звезды. Я так и заснула, глядя в небо. И впервые за все время – без снов.

Рог протрубил на рассвете. В котле уже булькал завтрак. По запаху – такая же дрянь, как и вчера. Да и по вкусу – тоже. Но бурлаки не жаловались. Поели, вычистили котел, занесли вещи на баржу и снова впряглись в постромки. Над рекой, скользя по воде, растеклась вчерашняя песня.

Я слушала, стоя на палубе возле груза. Рядом возился корабельный мальчишка, чем-то шебуршал, что-то перекладывал. Шум, пусть и негромкий, мешал, но уходить в другое место было лень. Не лезет ко мне с разговорами, и ладно.

Крик вывел меня из задумчивости. Мальчик выскочил из-за ящика, в глазах плескался страх. Я напряглась, а на шум уже мчались матросы.

– Крыса! Там крыса!

Этого только не доставало! Вездесущие твари с голыми хвостами.

– И чего орешь? Мелкого испугался! – Подбежавший первым мужчина от души отвесил мальчишке оплеуху.

Я решила посмотреть на зверька, которого все так внимательно разглядывали.

Малыш сжался в комок, испуганно сверкая глазками. Похоже, впервые из гнезда вылез. И в последний – матрос поднял дровину, чтобы прибить вредителя. Но наперерез человеку, истощно вереща, кинулась огромная черная крыса.

Я смотрела на вцепившегося в палку зверька. Взмах – и он полетел за борт. Следом отправился её отпрыск. Даже те, кто не вызывает ничего, кроме отвращения, сражаются насмерть, защищая свое дитя. А меня отдали без колебаний. Впрочем, нет. Один защитник у меня все же был.

Кэм приходит в спальню поздно ночью. Я страшно устала: охота, потом пир... Но брат безжалостно выволакивает меня из уютной постели:

- Переоденься в дорожное платье и не шуми!

- Что случилось? Кэм, я спать хочу!

- Тише ты! - Он прижимает палец к губам, словно жест может погасить звуки. - Одевайся!

Вид у него при этом такой, что больше вопросов задавать не хочется. Становится страшно.

- Отвернись.

Одеваться в полумраке трудно. Но я справляюсь. Льняная рубашка цвета топленого молока, коричневое платье и плащ оттенка дубовой коры.

- Ты все?

- Только обуться осталось!

Кэм помогает завязать непослушные шнурки на мягких голенищах.

- Ларец возьми.

Не стоит уточнять, какой. Он один - тот, что спрятан в сундуке, под ворохом одежды. В нем - мое приданное. Жемчужный гарнитур, диадема из затейливо переплетенных серебряных цепочек, янтарное ожерелье. Изумруды (по традиции я получала зеленый камешек в каждый день рождения) хранятся у родителей. Потом их оправят в золото, превратив в кольцо. Оно украсит меня на праздник в честь вступления в возраст невесты. Настанет ли этот день?

Недомолвки Кэма выводят из себя. Какую проказу задумал брат?

– Что все-таки случилось?

Вместо ответа он тащит меня к двери. Замирает, проверяя, нет ли кого в коридоре. И направляется к нашей "секретной" комнате.

– Что...

Кэм трясущимися руками зажигает свечу. От неё – факел. И подходит к двери тайного хода.

– Дай свой ключ.

В замочную скважину попадает не сразу. И прежде, чем открыть дверь, глубоко вздыхает, пытаюсь успокоиться.

– У выхода ждет Ирчи с лошадьми. Поедем к морю, купим домик. Поживешь там какое-то время.

Дом у моря. В мечтах он представляется гордым замком, полным верных нам рыцарей и вышколенных слуг.

– Одна поживу?

– Наймем горничную. Я стащил у отца деньги. Много, – Кэм показывает объемный кошелек. – На первое время хватит, а потом что-нибудь придумаю. Идем!

Подземелье дышит влажным холодом. Становится зябко. И по-настоящему страшно.

– Может, не надо? Я боюсь.

Признаваться в собственных страхах стыдно, но идти туда... Нет, лучше признаться и вернуться в спальню, в мягкую постель, к потрескивающему огню в камине...

Кэм смотрит зло, а потом спрашивает:

– А Замка-на-Скале не боишься?

Да, Замок страшнее. Поплотнее запахиваю плащ и иду вперед. Тяжелые своды подхватывают звук шагов и швыряют его обратно. Но Кэм закрывает дверь, и эхо остается в подземелье, с нами.

У выхода, в компании Ирчи, лошадей и четырех солдат ждет отец. Увидев нас, кивком отпускает людей и идет навстречу. Мне становится жутко. Куда страшнее, чем в подземелье. Отец отодвигает Кэма, крепко обнимает меня за плечи и ведет обратно.

От молчания кидает в озноб. Он даже про тайный ход не спрашивает! Дома забирает ключи и безразлично сует в кошель на поясе. А потом берет нас с Кэмом за руки, и как маленьких разводит по комнатам.

Но даже в спальне меня не оставляют одну. Едва выходит отец, как Йоли, старая кормилица матушки, приносит тюфяк и, охая и ахая, стелет себе возле двери. А потом переодевает меня в ночную рубашку и укутывает в одеяло.

– Спокойной ночи, маленькая леди.

– Спокойной ночи, Йоли.

Если она будет спокойной! Долго ворочаюсь, но усталость берет свое, я проваливаюсь в сон. И не понимаю, почему Йоли теребит меня, пытаюсь разбудить.

– Что?

– Господин зовет всех во двор. Вам тоже велено явиться.

Приходится поторопиться. Из-за спешки не успеваю как следует умыться! Брызгаю в лицо холодной водой и натягиваю одежду.

– Скорее, уже все собрались!

Йоли торопливо расчесывает мне волосы костяным гребнем. За ночь пряди спутались, и она дергает их, а я терплю – отец требует точности.

– Почему раньше не разбудила?

– Так будила, а все без толку. Вы спали, как убитая! – Йоли разводит руками, и закрепляет волосы вышитой лентой. – Готово. Пойдемте.

Все уже собрались. Челядь толпится во дворе, на крыльце стоят родители и Кэм. Выглядит он плохо, но спину держит, как подобает отпрыску лорда. Правда, знакомо задрал подбородок. Боится.

Я подхожу к брату и крепко сжимаю его ладонь. Отвечать вместе будем!

Отец считает по-другому. Обводит хмурым взглядом собравшихся, и громко, так, чтобы услышали все, объявляет:

– Вы знаете, что произошло этой ночью. Мой собственный сын ослушался меня. Подобное недопустимо, и виновный понесет наказание.

Повинуясь взмаху хозяйской руки, двое слуг поднимаются на крыльцо. Кэм не позволяет им прикоснуться к себе:

– Я сам! – и, решительно вырвав ладонь из моих пальцев, сбегает по ступенькам.

Люди расступаются. От крыльца до столба, к которому привязывают провинившихся, образуется живой коридор. Кэм, не сводя глаз с отца, снимает рубашку.

Конюх, всегда поровний наказанных, сноровисто связывает ему руки, пропускает веревку сквозь кольцо и натягивает. Теперь брат почти висит, но голову старается держать высоко. И в упор смотрит на отца.

Напряжение растет. Воздух словно загустел, стал тягучим, как овсяный кисель. Я сдаюсь первой:

- Не надо!

Отец даже головы не поворачивает. Медленно спускается с крыльца и забирает у конюха плеть. Я ахаю: сам решил наказать!

Зажимаю ладонями рот, словно запихивая крик обратно в горло. Кэм вздрагивает под ударами. Смотреть на отца он больше не может, но находит в толпе Ирчи. Старший сын конюха прячет глаза. Так вот почему нас поймали! Предатель! Я отомщу! За свой страх, за боль брата, за каждый шрам, что багровым рубцом вздувается на спине.

Крика от Кэма так и не дождалось. Когда его голова безвольно падает, матушка бежит к отцу и врывает плеть.

- Довольно!

Отец замирает, не в силах поверить, что всегда послушная жена смеет перечить. Зло разворачивается на каблуках и уходит. А мы с матушкой остаемся. Она сама снимает Кэма со столба и на руках уносит в свою комнату, словно не доверяя слугам. Потом мы промываем раны и мажем располосованную спину зеленоватой мазью. Матушка плачет. Я пытаюсь её успокоить. Даже Кэм, придя в себя, пытается шутить... У него плохо получается. И слез становится больше.

Ирчи ответит! За каждую слезинку!

Отец возвращается вечером. Просит матушку выйти, и садится в жесткое кресло рядом с кроватью.

- Ты злишься на меня, сынок?

От такого обращения я даже дуться забываю. Кэм тоже удивленно поворачивает голову. А отец поправляет льняную тряпицу, сползшую с израненной спины, и продолжает:

- Я тебя понимаю. Знаю, что ты не со зла, но так нельзя.

– А что, – Кэм приподнимается, шипит от боли и падает обратно. – Надо молча смотреть, как Уллу в Замок увозят? И не попытаться защитить?

– Ох, сын, – отец пересаживается на кровать, отодвинув покрывало. – Думаешь, мне легко это решение далось? Я ведь тоже хочу увезти Уллу далеко-далеко, чтобы никто и думать плохо о нашей девочке не смел...

– Так почему...

– Потому как девиз нашего Дома – "Долг"! И негоже его нарушать. Честь – единственное, что есть у человека своего, от рождения, и до смерти. Запомни это, сынок. И ты, Улла. Ни разу с момента заключения Договора не был он нарушен. И пока жив хоть один из рода Орвов, этого не произойдет. Долг Уллы – отправиться в Замок. И она туда поедет. И чтобы больше без этих ваших выдумок. Вы поняли?

Что мы можем ответить? И мы молчим. А отец, вздохнув, идет к двери. Медленно, словно несет на плечах тяжелый мешок. Когда до выхода оставалось пара шагов, отец вдруг порывисто развернулся, притянул меня к себе и крепко обнял. Горячий шепот касается волос:

– Прости нас, доченька. Прости, – и еще тише. – Если ты останешься дома, в Замок отправится Кэм.

Я едва прихожу в себя, а отец уже выходит. А мы с Кэмом долго смотрим на закрывшуюся дверь, не понимая, что случилось. Возвращается матушка. Мы меняем брату повязки, о чем-то говорим, стараясь отвлечься от грустных мыслей, смеемся... Но решение созревает: что бы ни предлагал Кэм, больше я не убегу. Нельзя допустить, чтобы вместо меня пострадал он.

Брат встает с постели на следующий день. Сжав побледневшие губы, с помощью лакея добирается до моей комнаты. Осторожно усаживается в кресло и велит служанкам выйти. Потом долго молчит, собираясь с мыслями.

– Прости.

– За что?

– У меня не получилось, – от горестного вздоха хочется плакать.

– Это хорошо, что не получилось, – я заглядываю брату в глаза. – Отец прав – мой долг ехать в Замок. И будь, что будет! Спина-то твоя как?

– Заживет!

Несмотря на требования матушки, в кровать брат возвращаться отказывается. И бродит по дому, придерживаясь за стену. Видя его, прислуга жалостливо вздыхает. Только отец втайне гордится. Поэтому Кэм старается, как может! Даже настаивает на том, что сам проводит меня в Замок.

Отец долго не соглашается – все еще ждет какой-нибудь выходки. Но вступается матушка, и наступает миг, когда мы садимся верхом и в последний раз бок-о-бок выезжаем со двора.

Путешествие длится недолго – на третий день впереди появляется одинокая скала и Замок, венчающий её, подобно короне. Солнце отражается от белоснежных стен и слепит глаза. Нам в любом случае в ту сторону и смотреть не хочется. Да и сопровождающие нас воины домашней стражи, забыв о попытках выгледеть уверенно, отводят глаза. И подгоняют коней. Им не терпится сдать меня с рук на руки дяде Гарду, и пустится в обратный путь. Но Кэм уговаривает капитана задержаться в ближайшей деревне, и к Замку отряд подъезжает не вечером, а на рассвете.

Восходящее солнце заливает белоснежные стены кровью. Шпили на крыше сверкающими стилетами пронзили небо. Флюгеры в страхе ожидают ветра, а до того боятся пошевелиться, и тишину нарушает только скрип открывающихся ворот у подножия скалы.

Кэм спешивается и помогает слезть с лошади мне. Животные никогда не проходили под высокой аркой, и теперь, глядя, как они бьются в панике, мы понимаем – почему. Мой эскорт в Замок тоже остается снаружи, поэтому брат просто провожает меня до ворот и обнимает. Я не отпускаю его взгляд и навсегда запоминаю бледное лицо и крепко сжатые губы.

Когда створки закрываются, я поворачиваюсь к ним спиной и смотрю вверх, на Замок, которому предстоит стать моей жизнью.

Над буйной зеленью сада, что непонятным образом вцепился в голые камни, вздымаются белые стены. Многочисленные окна сверкают на солнце – в рамы вставлено драгоценное стекло. Три квадратные башни, увенчанные золочеными шпилями, хранят покой Замка. По верху, под самой крышей, монолит стены прорезают узкие штрихи бойниц. Для чего они? Неужели находились сумасшедшие, решившие штурмовать Замок-на-Скале? На этот вопрос мне никогда не отвечали. Может, теперь узнаю?

– Госпожа, – слуга, посланный за мной, осторожно касается локтя. – Прошу вас.

Последний взгляд на ворота, в тщетной надежде, что створки распахнутся и меня увезут отсюда, и – подъем. Узкая тропинка указывает путь. Белая пыль тут же пачкает подол платья и плащ. Её никогда не удавалось отстирать, Замок словно метит тех, кто осмелился потревожить его покой.

Почему меня волнует одежда? Ноги подкашиваются от ужаса, а я жалею тряпки, обращаю внимание на растения вокруг. Папоротники, вереск и широколистные хосты обрамляют тропинку. Чуть дальше должен быть стелющийся можжевельник. Он всегда покрыт мелкими сизыми ягодами, и это кажется чудом. Как и весь сад, что цветущим каскадом устилает склон. У нас десяток садовников не могут добиться подобного, а тут все словно само растет.

Вдалеке поет ручей. В саду много источников и гротов. Вода течет прямо из скалы, а гроты... Они служили нам с Кэмом игровыми комнатами, когда приходилось приезжать сюда. Теперь не с кем будет прятаться в прохладной темноте. Я – единственный ребенок в Замке.

Тропинка превращается в широкую дорожку, и упирается в опущенный мост. Вода под ним покрыта цветущими розовыми кувшинками. Дядя Гард позволял рвать их сколько угодно, но строго следил, чтобы мы не плавали в лодке одни. Ходили слухи, что ров бездонный. Проверить ни я, ни Кэм не решились.

Мост остается позади, над головой проплывает высокая арка. Под ногами хрустит мелкий гравий, и я вхожу во двор.

Почему я никогда не замечала, какой он огромный? Люди, стоящие у крыльца, выглядят карликами. Они выстроились в шеренгу и терпеливо ждут. Коленки подкашиваются, но я двигаюсь дальше. Может, если не смотреть по сторонам, будет легче? И я упираю взгляд в землю. Перед глазами плывут разноцветные полосы – на ровной площадке двора садовники рассыпали крашенный гравий и песок. Если смотреть с башни, пятна складываются в дивный узор. Он постоянно меняется – в каждый мой приезд рисунок был новым.

Шорох ткани отрывает от созерцания земли. Я дохожу до ждущих людей. Слуги. Никогда меня так торжественно не встречали. Слово хозяйку. Но ведь хозяин тут один – дядюшка Гард.

– Приветствую вас, – я приседаю в поклоне перед высоким человеком в черной одежде.

– И ты – здравствуй, – мужчина жестом велит подняться. – Не будем терять времени. Идем!

– Да, – я заторопилась, нельзя заставлять ждать.

На самом деле дядей он был не мне, а моей пра-прабабушке с отцовской стороны. Но уж так положено было его называть. И я спешу по анфиладе за стариком, который выглядел моложе моего отца, и умираю от ужаса. Но куда страшнее стало, когда, остановившись в последней комнате, дядюшка с силой толкает одну из колонн. Что-то шуршит, шелестит, и каменный столб легко сдвигается с места.

– Идем, – дядя сует мне в руку горящую свечу и шагает в темноту.

Дыра превращается в колодец. Вниз ведет закрученная спиралью лестница.

Узкие ступеньки упираются с одной стороны в стену, с другой нависают над пропастью. Места едва хватает поставить ногу. Оступишься – и полетишь туда, в бездонную пустоту. А я хочу жить, и поэтому крепко прижимаюсь плечом к стене. Огонь судорожно зажатой в пальцах свечи пляшет от сквозняка, а раскаленный воск, капая на руку, немного приводит в чувство. Так я понимаю: страх отступает перед болью.

Спускаемся мы бесконечно долго. Дядюшка неожиданно останавливается, и я утыкаюсь в его спину. На ногах устояла, а вот спасительную свечку роняю. Она катится, прыгая по ступенькам, и гаснет, сдавшись бездне.

Но в темноте мы остаемся недолго. Дядя подхватывает меня под локоть и тащит вперед. А на стенах сами собой зажигаются факелы. Их много, и огни бесконечными рядами уходят вдаль и вглубь. Кажется, нас ждет вечность.

– Мы идем еще ниже?

Это мой голос? Похоже на блеяние овцы. А дядя молчит, и крепче сжимает локоть. Мне больно, но жаловаться не смею. Только изо всех сил стараюсь удержаться на ногах.

Наконец, дядя останавливается. Белые колонны справа и слева образуют ниши. А там стоят высокие каменные плиты.

– Это... гробницы?

Вместо ответа он толкает меня к одной из них:

– Ложись.

Я подчиняюсь. Но стоит вытянуться на жесткой поверхности, как тело обвивают железные цепи. Я с трудом удерживаю крик, а ужас отгоняю, вспомнив недавний урок. Нашариваю рукой конец пут, и туго закручиваю вокруг ладони. Боль приводит в чувство. Дядя Гард тихо напевает, стоя у изголовья. Время замедляет свой бег, становится текучим, похожим на темную патоку. Постепенно страх слабеет, и я решаю, что бояться нечего – ведь убивать меня не собираются. С этой мыслью я расслабляюсь. И судьба тут же жестоко наказывает за доверие.

Я много узнаю в этом подземелье. Крик рвет горло, судорогами сводит грудь. Раз за разом я умираю, но Замок возвращает меня обратно. Чтобы не сойти с ума, я вспоминаю, как Кэм сжимал челюсти, стоя у столба, и делаю то же самое. Зубы крошатся, и скрежет эхом проносится по бесконечной анфиладе.

Но дядя не слушает ни криков, ни стонов. А к утру и мне становится все равно.

Пока вспоминала, баржа подошла к берегу, и бурлаки успели сварить ужин. Он ничем не отличался от прошлого. Та же вонючая бурда. Я съела все и, отерев речным песком миску, вернула её кашевару.

За камнями нашлось уютное местечко: закрытое от ветра, сухое, и рядом с баржей.

Но уединение вскоре нарушили. Один из бурлаков подошел и оперся плечом на камень. Глаза бы тебе выковырять, чтобы отучить пялился так бесцеремонно! Но выполнить угрозу я могла только в мечтах, поэтому просто отвернулась. Бурлак словно не понял намек. А когда молчание стало совсем уж невыносимым, поинтересовался:

- Наверное, скучно одной?

Мое нежелание разговаривать его не смутило. Оттолкнувшись от камня, он подошел ближе. Исковерканная сугурская речь царапнула слух:

- Как зовут - то тебя, красавица? Да не бойся, не обижу!

- Улла, - молчать дальше действительно было смешно. - И я устала, не до разговоров мне.

- Спать хочешь? Может, холодно одной?

- А я и не одна, - пришлось покрутить в руках нож Лойза, предупреждая бурлака о последствиях.

- Ну, как знаешь. Замерзнешь - зови.

Сплюнув сквозь щербину, бурлак вразвалочку удалился.

- Не сердитесь на него.

Когда-нибудь я так погибну. Совсем разучилась жить без помощи Замка. Пока разговаривала с одним, проморгала, как подошел второй.

– Этот безобидный, не тронет. Ну, а если кто другой приставать начнет – кричите. Я услышу.

– Благодарю, – я оглядела молодое, перемазанное сажей лицо. Кажется, сегодня он кашеварил.

– Да не за что. Меня Таргет зовут. Ну, спокойной ночи вам. И простите Лисса. Обычный бабник...

– Я заметила.

Песок зашуршал под ногами уходящего мужчины, и я осталась одна.

На следующий день я невольно выискивала Таргета среди тянущих ляжку. Он шел всегда справа, наваливаясь всем телом. А на особо трудных участках именно его голос затягивал запев, облегчающий работу. Почему бурлак подошел ко мне? Желание защитить или... Наверное, первое. Иначе, зачем заступаться? Лиссу мог без помех сделать свое дело, тут нет стражи, нет рыцарей, а если бы и были, неизвестно, кто опаснее. Иллюзий насчет благородства знатных воинов у меня давно развеялись

В обед Таргет снова подошел и протянул хлеб и вяленую рыбку.

– Приятного аппетита.

– Благодарю.

Он улыбнулся и отошел.

Неужели я ему понравилась? Бедный, бедный. Любить Хозяйку Замка – на – Скале, существует ли проклятие страшнее? Разве что быть самим Хозяином... Но пресекать ухаживания не я стала. Кто знает, может, пригодится влюбленный дурак.

Вечером он опять попытался поухаживать. Освободил от стояния в очереди за пахнущей рыбой отравой. Просто наполнил две миски, и одну принес мне.

- Вас же Улла зовут?

- Слышал, как я Лиссу представлялась?

- Да. Еще раз извините.

- У тебя привычка - все время извиняться?

Он покраснел, словно юнец.

- Давно баржи тянешь?

- Лет пять уже. Как батька помер, так в лямку и впрягся.

- И как?

- Да нормально. Матушку вот кормлю, сам не голодаю, даже что-то отложить на свадьбу получается. Я ведь жениться хочу!

Оказывается, бурлаки неплохо зарабатывают! А мне рассказывали, за эту работу от безысходности берутся, когда весь урожай погиб, или пьяницы горькие, которым все равно, как жить, лишь бы на выпивку хватило. Неправду, значит, говорили. Вон, и на женщин по дороге сил хватает, и жениться собираются.

А Таргет, приняв мои раздумья за интерес, продолжал:

- Она хорошая у меня. Лоя, дочь плотника. Но её отец сказал, пока своим хозяйством не обзаведусь, о свадьбе забыть.

- За пять лет не набрал?

- Так я только намедни посватался-то! Денег на свадьбу собрать - время надо!

Это верно. Невесты обычно долго ждут. У Эсти, жены Кэма, подготовка два года заняла. Но там другая причина мешала. Жрецы все благоприятный день высчитывали, и жертвы Богам приносили. Хотя проще было у меня спросить. Я еще на помолвке правильную дату назвать могла.

– А знаете, приходите к нам на свадьбу! – у Таргета аж глаза загорелись от этой идеи.

– Всех встречных подряд приглашаешь?

– Нет, – он опять смутился. – Но вы... особая.

– С чего ты взял? – неужели парень что-то почуял? – И чем же я от простых смертных отличаюсь?

– Вы... из благородных. Вы ведь Леди?

Мелькнула мысль посмотреть в зеркало. На лбу у меня надпись, что ли?

– Ошибаешься.

– Не отпирайтесь, – смущенная улыбка очень шла Таргету. – Вы держитесь, как благородная. Мы, простолюдины, себя по-другому ведем.

Легенда разваливалась. Придется выдумывать что-то новое. Сперва Лойз, теперь вот Таргет.

– Я не Леди, но ты почти прав. Я – бастард. Дочь горничной. Матушка в родах умерла, так батюшка взял в дом, и воспитание дал такое же, как остальным детям. Замуж выдать думал. Приданное хорошее давал. Только вот не успел свадьбу сыграть, получил рану на охоте и умер. Ну, а мачехе я зачем? Дала кошелек с медяками, одежду кое-какую, да и выставила за порог. Жених тоже сразу передумал. Кому незаконнорожденная бесприданница нужна?

Таргету, самому собирающему на свадьбу, выдумка понравилась. Он сочувственно погладил меня по голове:

- И как же ты теперь?

На "ты" перешел. Поверил, значит.

- Да как... У отца друг есть. Он всегда говорил, что если беда какая приключится, чтобы к нему шла. Вот. Иду.

- А чего сразу не помог?

- Так я, как только из дома выгнали, больно гордая была. Думала, сама справлюсь. Теперь жалею. И боязно мне. А ну, погонит прочь?

- Не должен, если и вправду друг. Ну, спокойной ночи, - прихватив одеяло, Таргет отошел в сторону.

Весь следующий день я опять смотрела, как люди тянут баржу. Слушала их незатейливые песни, помогающие держать ритм. На трудных участках, где требовалась особая сила, мелодия менялась. Протяжные ноты уступали место дружным выкрикам, и бурлаки одновременно наваливались, хрипя от натуги.

Один раз пришлось облегчать баржу. Груз перенесли по берегу, перетащили через мели судно и снова закрепили на палубе. Пассажиры и команда шли пешком. Я не жаловалась - неплохо было размять ноги и подышать чистым воздухом.

Вечером остановились задолго до темноты - бурлаки нуждались в отдыхе. И в котле появилось мясо. Вовремя - от рыбы меня уже тошнило. Да и Голод все чаще давал о себе знать, поэтому я снова отошла подальше, за круг огня. И подошедший Таргет казался лишним. Он это заметил.

- Что-то случилось?

- Ничего. Просто одна побыть хочу.

- Бывает, - вместо того, чтобы уйти, бурлак уселся рядом. - В такие моменты друзей надо поближе держать!

- А ты друг?

- Друг!

Какой самоуверенный! Не знает о Голоде, а тот ворочается, требует... Утолить его, оставив жертве жизнь, сейчас невозможно.

- Уйди, прошу тебя!

Нельзя сорваться. Мне до Языка без приключений добраться надо!

Он пожал плечами и встал:

- Как скажешь. Если настроение поменяется - крикни, я недалеко буду.

Когда рядом нет жертвы, Голод успокоить гораздо легче. Но только я пришла в себя, как Таргет явился снова!

- Все хандришь? Пойдем!

- Куда?

- Покажу кое-что. Тебе понравится.

Ох, не в добрый час ты решил меня развлечь! Но, видимо, такая твоя судьба, да и моя тоже. Голод поднялся черной волной, в глазах потемнело. Я отряхнула с юбки песок:

- Показывай!

Никто у костра даже не повернулся, когда мы с Таргетом пересекли стоянку и вошли в лес. Тем лучше - меньше вопросов возникнет. Главное, потом незаметно вернуться.

Таргет - парень сильный. Справиться будет нелегко, разве что врасплох застать. Удара он не ждет... Пальцы уже нашарили рукоятку кинжала, как вдруг спутник

обернулся и с силой прижал меня к стволу ближайшего дерева.

Воздух со стоном вылетел из легких. Таргет понял! Теперь мне несдобровать. А это кто? Лисс? Зачем он тут?

– Ну что, малышка, гордая больно? – куда делась улыбка Таргета и его певучая речь? – Брезгуешь простым работягой? А ему-то совсем немного нужно – поцелуй, и капелька ласки. Лисс бы тебя не обидел. А теперь...

Да их тут много! Похоже, у меня нешуточные неприятности.

– Чего молчишь? – нервничает. Может, обойдется? – Таргет, почему она молчит? Даже на помощь не зовет.

– Язык небось от страха отнялся.

Ох, зря ты это сделал, парень. Стереть бы твою нахальную улыбку, забить смех обратно в глотку... Но сейчас я не могу. А на помощь звать – толку мало. Вы наверняка все просчитали. Только в одном ошиблись – страх ни при чем. Знаю, что меня ждет, и не боюсь. Не умею. Зато запоминаю. И внешность, и запах.

Гнилые зубы. Кислая отрыжка. Пот. Я всласть надышалась всем этим, пока мужчины по очереди вдавливали меня в землю давно немытыми телами. Позор для благородной Леди, после которого прямая дорога в омут или в петлю... Но мне нельзя. Сначала я должна выполнить условия Договора, вернуться в Замок-на-Скале, выяснить, что случилось. Только потом я смогу подумать о поруганной чести. Благо, детей не будет – тогда, в подземелье, мое нутро выжгло ледяное пламя, рожденное белым камнем гробницы.

Вырваться смысла не было, держали крепко. Поэтому я спокойно лежала, ожидая, когда насильники закончат. В том, что рано или поздно они поплатятся, я не сомневалась. Все пятеро. И Таргет, хотя он и не воспользовался правом сильного. Даже держать не помогал, только наблюдал со стороны. Но месть ему будет изощренной. Замок всегда голоден, и время от времени требует особых жертв.

- Вот и все. Ничего страшного же? Ой, да ты даже не заплакала! Умница, - предатель поднял меня с земли.

- Таргет!

- Чего тебе, Лисс?

- Она девицей была! Смотри - кровь!

- Значит, будешь должен мне больше остальных! За невинность! - и, не обращая на возмущение приятеля, Таргет поинтересовался у меня. - Ты как умудрилась девичество сохранить?

Если я расскажу - со страху свихнешься. А ты мне в доброй памяти нужен.

- Хочешь молчать? Ладно. Идем к костру, ты дрожишь.

Снова это заботливое выражение. И голос прежний - ласковый. Тем лучше. Можно не притворяться испуганной голубкой.

- После. Дай в себя прийти!

- Уверена? К ближайшему дереву не побежишь?

- Нет. Сперва ты туда наведаешься.

Таргет расхохотался:

- Вот и молодец! Как оклемаешься - возвращайся.

Они ушли, и я позволила ногам подкоситься. Сейчас бы заплакать, смывая позор, но я не умела. Последние слезы, самые горячие и сладкие, иссякли там, на алтаре. У меня забрали все. Даже гнева Замок мне не оставил. Зато не было и чувства стыда. Только холодный расчет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/kutuzova_elena/plennica-belogo-zamka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)